



АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

*Новый этапный роман от мастера,
находящегося на пике формы*

КО ВРЕМЕНИ МОИХ СЛЕЗ

ЭКСМО

Василий Головачев
Ко времени моих слёз

«ЭКСМО»

2004

Головачев В. В.

Ко времени моих слёз / В. В. Головачев — «Эксмо», 2004

Не на Земле и даже не в пределах нашей Вселенной идет война. Сам того не подозревая, ей не дает закончиться Арсений Васильевич Гольцов, человек, наделенный уникальным даром и избранный из-за него на роль экзора, оператора реальности. Однажды он догадывается об истинном назначении своей деятельности и отказывается «работать». Это вызывает ответные, весьма жесткие меры со стороны «хозяев» могущественной системы, контролирующей властные структуры и органы правопорядка. Перед Гольцовым встает выбор: сдаться и сохранить жизнь себе и своим близким или подвергнуть всех смертельному риску, поверить новым друзьям и попытаться сохранить Землю и людей от уготованной им страшной участи.

© Головачев В. В., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Дощечка первая	5
БЫЛОЕ	5
БЫТИЕ	9
ПРОСТО РАБОТА	17
БЫТИЕ	26
СИТУАЦИЯ	34
ПРОРЫВ	41
СИСТЕМА	47
ИЗЛОМ	49
НАПРЯГ	54
СКАНДАЛ	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Василий Головачев

Ко времени моих слез

*Не старайся жить весело в мире этом; ибо все радости света сего
кончаются плачем.*

Изборник. 1076 г.

*Что бы за мной ни наблюдало, это не человек – по крайней мере
с моей точки зрения.*

Ф. Дик. Помутнение.

Дощечка первая ПРОКЛЯТИЕ

БЫЛОЕ

Собиралась гроза... а в доме было тепло, тихо, уютно, и не хотелось никуда идти.

Игрушек у Арсика было мало, поэтому он мастерил их сам: бумажные зверюшки – дед научил, самолетики из тетрадных листов, кораблики из сосновой коры. В четыре года они получились не ахти какой красоты и изящества, но в глазах мальчика кораблики казались настоящими морскими посудинами, пиратскими клиперами, шхунами знаменитых путешественников, и он, наблюдая за «флотом», плывущим по «просторам морей и океанов» – по гигантской луже напротив дома, просыхающей только летом, грезил с открытыми глазами, представляя себя великим первооткрывателем стран и островов, капитаном собственного корабля.

– Собирайся, мечтатель, – погладила его по светлой головке бабушка, – в церковь пойдем.

– Зачем?

– Крестить тебя будем.

– А дед пойдет с нами?

Бабушка и мама переглянулись.

– Он уехал... позже подойдет.

– Тогда я его подожду.

Мама нахмурилась:

– Арсений, не упрямясь, все равно идти придется.

– Не пойду!

– А я сказала...

– погоди, Надя, – мягко остановила ее бабушка, – не начинай с утра кобызиться, он и так согласится.

– Не пойду! – упрямо свел брови Арсений.

– Дело в том, что мы все крещеные, а теперь вот и твоя очередь подошла. Да и в церкви ты еще не был, алтаря не видел, иконостаса. Там красиво, свечи горят, люди молятся, тебе понравится.

Мальчик дотронулся пальцем до подбородка – так делал дед Терентий Митрофанович, помолчал, подозрительно посмотрел на бабушку:

– Дед точно придет?

– Не сомневайся.

– Тогда ладно. Только я посмотрю, и все.

– Беги, надевай шаровары и курточку новую.

Мальчик убежал в спальню переодеваться.

– Совсем от рук отобьется без отца, – вздохнула мать, проводив его глазами. – Четыре года, а он уже не слушается.

– Не возводи напраслину на парнишку, – возразила бабушка. – Арсик хороший мальчик, светлый. Вишь, какие лодки соорудил? Загляденье. Головка у него работает, смекает, из него добрый человек вырастет, Терентий правду ведает.

– Дай-то Бог. Кум-то где с кумой?

– К церкви придут, как договаривались.

Разговор прервался.

Женщины принялись собираться в церковь, одели мальчика, и скоро все трое направились к церковке на краю поселка, поставленной еще в прошлом веке пришлым на муромскую землю монахом Амвросием. Церковка сохранилась хорошо, хотя была деревянной, и имела приличный приход, так как батюшка славился добротой и охотно помогал страждущим и неимущим. Но дед Арсика Терентий Митрофанович чтит древних русских богов Сварога и Перуна и в церковь, в отличие от женщин, не ходил. Хотя и не препятствовал другим, полагая, что у каждого свободного человека должна быть своя вера, подвигающая его на справедливые поступки.

Апрель в сердце русских равнин выдался теплым, снег потаял дружно и быстро. Однако в этот субботний день погода испортилась, небо заволочло свинцовыми тучами, и где-то уже прогромыхивал гром. Находила первая в этом году весенняя гроза. Капли дождя упали на землю, когда семья Гольцовых вошла в церковь.

Их встретил сам батюшка Мефодий, погладил Арсика по головке, прогудел в бороду:

– Что съезжилось, чадо испуганное? Не бойся, ничего дурного с тобой не сделают, станешь рабом Божиим, молитвам научишься, будешь добро творить. – Мефодий посмотрел на бабушку с укоризной. – Давно надо было покрестить мальчонку, провести путём истинным, отчего не приходили?

– Дак дед его не соглашался, – растерялась бабушка. – Не уговорить было. Вот и выросли мы.

– Ладно, Анна Трофимовна, все сладим, одесную стань, начнем, пожалуй. Снимите с него обувь, поясок. Где кумовья?

– Здесь, – подошел к семье Гольцовых племянник мамы Арсения Кузьма и его жена Светлана: обоим исполнилось по двадцать два года, но детей у них еще не было, и они согласились участвовать в крещении Арсения.

Служка принес свечи. Мать и бабушка зажгли их, одну протянули Арсению, озирающемуся по сторонам. Лики святых на иконах, сверкающая позолота иконостаса и риз, горящие свечи, таинственная темнота по углам церкви произвели на мальчика довольно сильное впечатление. С одной стороны, эта атмосфера ему нравилась, с другой – хотелось побыстрее бежать отсюда, так как в душу начал закрадываться страх. Процедура крещения еще не началась, однако ничего хорошего не сулила.

– Купель, – кивнул батюшка дьякону.

Принесли посудину с прозрачной водой, похожую на таз.

– Подведите отрока, – сказал батюшка.

Кузьма и Светлана взяли Арсения за руки, подвели к алтарю. Батюшка повернул Арсика к востоку, трижды подул ему в лицо, трижды наложил крестное знамение на лоб и на грудь, положил руку на голову и начал нараспев читать молитву:

– Господу помоли-и-имся... О имени Твоем, Господи Боже Истинный, и Единородного Твоего Сына, и Святаго Твоего Духа, возлагаю руку мою на раба Твоего Арсения, сподобльшагося прибегнути ко Святому Имени Твоему, и под кровом крил Твоих сохранитися...

И в это время в церковь, растолкав собравшихся прихожан, вбежал дед Арсика Терентий Митрофанович:

– Остановитесь!

Батюшка запнулся, удивленно поднял голову.

За стенами церкви сверкнула молния, загрохотал гром.

Терентий Митрофанович, высокий, слегка сутулый, седой, с широкими сильными плечами, одетый в старинный кафтан, под которым виднелась белая рубаха, подошел к жене и дочери, взял Арсения на руки:

– Прошу прощения, отец Мефодий, но я согласия на крещение сего отрока не давал. Ему уготована другая судьбина.

Батюшка огладил бороду рукой, откашлялся:

– Сие действие добровольно, паче миролюбиво, однако ж не след прерывать священнодействие...

– Я сказал, сей хлопец не будет крещен! Еще раз прошу прощения. Идем, внучек.

Дед направился к выходу из церкви, не глянув на жену и дочь. Те, заговорив разом, бросились за ним, хватая за рукава. Бабушка отстала первой, заплакала. Зашумели односельчане, многие из которых знали семью Гольцовых. Скандала никто из них не ожидал.

Арсений, перепуганный происходящим, тоже заревел.

Вышли на площадь перед церковью, окруженную громадными – в два-три обхвата – деревьями. По листьям уже шуршали капли дождя, стемнело, будто наступил вечер.

– Не плачь, соколик, – ласково сказал дед, проведя по волосам мальчика заскорузлой ладонью. – Не надо тебе носить на груди крест с распятым нерусским богом. Твой род поклоняется другим богам, твоим прапредкам. Ты им не раб, а отпрыск, потомок.

– Старый, зачем ты это сделал? – подошла расстроенная бабушка, утирая слезы. – Батюшку обидел, нас опозорил...

– Мой позор – мне и ответ держать! – сверкнул глазами Терентий Митрофанович. – А батюшка простит, не впервой. Его бог всем и все прощает.

– Пойди, повинись, Арсика все равно крестить пора...

– Повинюсь, а крестить не надо. – Старик легко поставил мальчика на землю, присел перед ним. – Ты мне веришь, внучек?

Арсений перестал плакать, раскрыл глазенки, кивнул серьезно:

– Верю.

– Вот и славно. Помни, твой путь – по другую сторону креста. Когда вырастешь, к тебе придут люди...

– Какие?

– Хорошие, ты поймешь. Они – ратники Рода русского, помоги им.

– Ладно, дедушка. Только ты со мной будь.

– Я всегда с тобой буду. Постой тут, я в молельню схожу, с батюшкой поговорю, объясню ему кой-чего. – Терентий Митрофанович выпрямился, бросил бабушке: – Я сейчас, – и скрылся за дверью церкви.

– Стыдно-то как... – пробормотала мать мальчика, кутаясь в платок. – Пошли отсюда, смотрят все...

Она взяла Арсения за руку, потащила за собой, но дождь усилился, и они спрятались под высокой ветлой.

– Переждем немного.

– Не надо бы тут стоять... – начала бабушка.

Из-за ограды церкви вышел дед, увидел семейство под деревом, метнулся к нему.

– Уйдите оттуда! Надька, Анна – быстро ко мне!

Женщины переглянулись. Бабушка нерешительно затопталась на месте, раскинула над Арсением платок.

Подбежал дед, схватил мальчика на руки, толкнул дочь и жену под начавшийся ливень:
– Бегите!

Они заторопились, и в этот момент в ветлу ударила ветвистая молния, озарив окрестности мертвенно-синим светом.

Удар, треск, грохот, звон в ушах! Кто-то с силой бросил Арсения вперед.

Он ослеп и оглох, закричал от боли, летя по воздуху как птица. В глазах запрыгали огненные колеса, и сквозь их верчение на мальчика глянули налитые черной жутью страшные глаза...

Затем последовал еще один удар, он стукнулся виском обо что-то твердое и потерял сознание...

БЫТИЕ

Арсений Васильевич очнулся от воспоминаний, сделал несколько приседаний, отжался полсотни раз от пола и поплелся в ванную комнату принимать душ.

Дед Терентий Митрофанович погиб, спасая внука, сгорел от разряда молнии, только пепел остался, хоронить было нечего. А у Арсика на всю жизнь сохранилась отметина на виске – шрам в форме трезубца, то ли след молнии, то ли след удара об ограду церкви. Его так и прозвали в школе – Меченый. Только в институте он избавился от этой клички, пряча синеватый шрамик под волосами.

Деда, вернее, то, что от него осталось – горстку пепла, похоронили на окраине Родомля, рядом с могилами родичей и предков Гольцовых. Но слова его Арсений запомнил на всю жизнь. Поэтому когда ему исполнилось девятнадцать лет и к нему в общежитие – он поступил в Рязанский радиотехнический институт – пришли двое мужчин, Арсений не удивился их предложению и выслушал гостей спокойно, посчитав, что именно они и есть те самые «хорошие люди», о которых говорил дед.

В принципе, они ничего особенного и не сказали, говоря полунамеками и ссылаясь на необходимость соблюдать тайну беседы. Сообщили только, что он человек, «отмеченный Высшей Сущностью», и что ему предстоит в скором времени стать неким «внешним оператором», управлять формированием энергоинформационных процессов.

– Каких процессов? – переспросил заинтересованный Арсений.

– Корректирующих Систему экосфер, – был ответ. – Тебе лучше этого не знать, работать будет твое подсознание – в иных, горних мирах. Жить же ты будешь, как все люди, разве что смирнее и обеспеченнее. Об этом мы позаботимся.

Все так и получилось.

Арсений закончил институт, получил распределение в Институт летно-испытательной аппаратуры в городе Жуковском, под Москвой, переехал по месту работы с дочкой и женой и уверенно начал карьеру инженера-разработчика радиоэлектронной аппаратуры. О встрече с «хорошими людьми» он почти забыл, пока один из них сам не напомнил ему события двадцатилетней давности – отказ от крещения и гибель деда.

Этот человек мало изменился за прошедшее с момента первой встречи время, что неприятно удивило Арсения. Хотя в молодости он не искал этому феномену объяснений. Просто не задумывался над ним. Его тогда больше волновали другие проблемы, житейские: семья, работа, жилье, воспитание дочки, обживание на новом месте. В первую очередь – работа, потому что это казалось главным, хотя на поверку все повернулось иначе. Главным должны были стать покой и благополучие близких. Но это он понял лишь тогда, когда умерла жена – внезапно, остановилось сердце, хотя никогда ничем не болела, и Арсений в сорок восемь лет остался один.

Дети к тому времени жили уже отдельно: дочь Марина в Москве, сын Кирилл – в Муроме. С тех пор Арсений Васильевич так и обитал – один в трехкомнатной квартире на бульваре Славы, все в том же Жуковском, уже семь лет. Работал в ИЛИА, став начальником лаборатории контрольно-измерительных комплексов, – пятнадцать человек в подчинении, из них девять женщин, – два раза в неделю сражался в спортзале института в волейбол с приятелями и сослуживцами, один раз играл в преферанс в дружеской компании, изредка встречался с женщинами, но второй раз не женился. Считал, что для этого надо влюбиться, а он продолжал любить жену.

Однако никто из друзей и приятелей на работе, никто из родственников не знал, что помимо государственной службы Арсений Васильевич Гольцов с л у ж и т еще и в другой орга-

низации, суть деятельности которой он и сам понимал смутно. Однако служил, веря, что дед плохого не посоветует, потому и завещал ему именно этот путь – «по ту сторону креста».

Арсений Васильевич вошел в ванную комнату, оперся руками о столешницу умывальника, посмотрел на свою бледную со сна, небритую физиономию. Приглядел остатки седых волос на голове, заглянул в рот, скорчил гримасу. Не урод, но и не красавец. Карие глаза, усталые и невеселые, нос луковкой, доставшийся в наследство от деда и отца, и красивого разреза губы – от матери, слишком чувственные для его возраста.

– М-да, – проговорил Арсений Васильевич глубокомысленно, передразнивая соседа, полковника в отставке, – жениться вам надо, барин. Пятьдесят пять лет – еще не старость, это лишь старость молодости.

Усмехнулся, начал чистить зубы, подумал: может, и вправду жениться? Оксана уже не раз намекала, что не прочь перебраться на постоянное место жительства. Одиночество делает меня неуправляемым, слабым и больным. Семь лет я верю в то, что где-то существует женщина, способная заменить Милославу, хотя знаю, что такой больше нет. Семь лет я жду, что откроется дверь, войдет она, присядет у порога, снимая туфли, оголяя круглые красивые колени, и прихожая заполнится дивным светом, потому что вся Милослава была – как солнышко. Иногда я даже слышу ее шаги, тихие, робкие, будто поступь невидимых эльфов...

Но она не приходит...

Что-то стукнуло за стеной – проснулся сосед.

Арсений Васильевич вздрогнул, прислушиваясь, покачал головой и плеснул в лицо водой. Лукавая память не желала расставаться с прошлым, и перед глазами вновь возник абрис лица Милославы, нежный и бледный, как рисунок акварелью. Лицо улыбалось. Милослава вообще редко печалилась, потому ее и любили все кругом.

Физиономия в зеркале расплылась.

– Этого только не хватало... – пробормотал Арсений Васильевич, снимая слезу с ресницы. – Сентиментальны вы больно, батенька.

Он умылся, побрился, не ощущая особой бодрости, позавтракал – готовил сам, и весьма недурственно. Глянул на календарь: пятнадцатое января, четверг... Пора на работу, однако, завлаб. Он же экзоператор, или экзор, хе-хе...

Вспомнился старый анекдот:

– Ну как я, доктор?

– Ничего, завтра выпишем. Позвоните жене, чтоб приехала.

– Зачем жене, доктор? Не надо ее беспокоить.

– Как не надо? А кто тело заберет?

Арсений Васильевич улыбнулся. Его внутреннее состояние постепенно сдвигалось к состоянию больного в анекдоте, потому как он не видел особенного смысла ни в своей работе, ни в «запредельной» деятельности, ни вообще в жизни, хотя внешне он был еще ничего: метр восемьдесят, развернутые плечи, спортивная фигура, ни одного намека на пузо. Еще поживем?

Зазвонил телефон.

– Слушаю.

– Товарищ начальник, можно, я сегодня опоздаю? – раздался в трубке голос Толи Юревича, ведущего инженера лаборатории и близкого друга Гольцова. – Жена приболела, ОРЗ у нее, я внучку в школу отвезу.

– Хорошо, конечно, – сказал Гольцов.

– Я вечером останусь, отработаю.

– Чепуха, Толя, не бери в голову.

Юревич был классным специалистом, а главное – скромным и добросовестным человеком, способным надежно и без лишних споров выполнить любое задание. С ним было приятно и дружить, и работать.

Арсений Васильевич спустился во двор – его квартира располагалась на четвертом этаже стандартной пятиэтажки, выгнал из «ракушки» свою старенькую «Ниву Шевроле» и поехал на работу. В девять часов он зашел в свою лабораторию на втором этаже институтского корпуса. Поздоровался с сидящими у стоек с приборами и за рабочими столами сотрудниками, открыл дверь кабинета, в котором с трудом уместались стол, кресло, два стула, шкаф с книгами и компьютер. Сел за стол, включил отечественный «Енисей» и поймал себя на мысли, что не хочет работать. Впервые в жизни!

– Ну-ну, – покачал он головой, хмурясь. – До пенсии тебе еще далеко, лентяй. Ее зарабатывать еще надо.

Однако в глубине души Арсений Васильевич отлично понимал, что это не лень – душевная усталость, накопленная *двойно* й жизнью: в реальности Земли и в том *запредельно* м мире, где он «формировал процессы энергоинформационного обмена».

Тонкий жидкокристаллический дисплей компьютера разгорелся жемчужным светом, на миг превратился в «песчаное дно ручья» и стал синим, как весеннее небо. Выпрыгнули из ниоткуда значки меню. Арсений Васильевич раскрыл один из них – «Свет», и в глубине дисплея соткалась из цветных линий конструкция измерительной системы, использующей гибкие оптиковолоконные кабели. Система разрабатывалась уже полгода и была почти готова к утверждению на техническом совете. Оставалось только «довести ее до ума».

В кабинет заглянул, скаля зубы, Женя Шилов:

– Привет, босс, как настроение, весеннее? Анекдот хочешь?

– С утра?

– Почему бы и нет? – хохотнул Шилов. – Знаешь ведь пословицу: выпил с утра – и целый день свободен.

– Ты еще и пьешь?

– Только когда в карты проигрываю. Обижаешь, босс, я пью только пиво и только по праздникам. – Женя ухмыльнулся. – А праздники у меня каждый день. Шутка. Слушай анекдот, мне его сегодня утром жена напомнила своей индифферентностью.

– Меньше слов.

– Слушаю. Три дня и три ночи целовал Иван-царевич спящую царевну, а потом плюнул и похоронил. Вот и весь анекдот.

Арсений Васильевич усмехнулся:

– Понятно. Облом у вас обоих вышел. Иди работай. К вечеру чтобы все расчеты генератора были у меня в компе.

– Будет исполнено! – Шилов шутливо отдал честь и скрылся за дверью.

Арсений Васильевич покачал головой, перевел взгляд на конструкцию в объеме дисплея, и мысли свернули в привычное русло. Вскоре он увлекся работой, как всегда, и не заметил, как время подошло к обеду.

Пообедал он в институтской столовой вместе с Шиловым, Сергеем Сергиенко и Толей Юревичем, почти не участвуя в беседе. Шилов травил анекдоты, знал он их невероятное количество, но Арсений Васильевич ничего не запомнил. Снова засел за компьютер и очнулся уже вечером, когда сотрудники начали один за другим уходить домой. Последней покинула рабочее место Оксана Петрова, исполнявшая в лаборатории, кроме основной работы инженера, еще и роль секретарши. Она очень хотела дожидаться начальника и проводить его до дома, однако Арсений Васильевич сослался на необходимость некой официально-деловой встречи, и Оксана, расстроенная, тихо закрыла за собой дверь.

Арсений Васильевич вздохнул, чувствуя себя подлецом, сгорбился за столом. Что он мог сделать? Женщина ему нравилась, но не настолько, чтобы начать с ней совместную жизнь. Милая, тихая, спокойная, доброжелательная, прекрасная любовница... достаточно ли этого для создания семьи? Может быть. Тогда почему после некоторых встреч с ней в душе остается

горький осадок? Почему потом снится жена и печально качает головой? Ведь он имеет право на личную жизнь. Или не имеет?

Арсений Васильевич снова вздохнул, провел ладонью по лицу, бросил взгляд на часы и выключил компьютер. Пора начинать с е а н с. В принципе, ему всё равно было, где уходить в *запредельно* е. Конечно, дома уютнее и спокойнее, да и привычнее, так как ничто не отвлекает и не мешает. Но и кабинет вполне подходит для создания «моста» в иномир, которому Гольцов дал шутовское название Карипазим. Только главным богом этого «жилища богов» был он сам.

Кто-то постучал в дверь.

– Можно?

Арсений Васильевич вздрогнул, сосредоточиваясь на реальном:

– Не заперто.

Вошел мрачный, как обычно, приземистый, тучный, с тяжелым морщинистым лицом Юрий Филиппович Руденко, начальник соседней лаборатории:

– Один кукуешь? Чего домой не идешь? Уже девятый час.

– Собираюсь, – ответил Арсений Васильевич отчего-то виноватым голосом. – Да и кто меня ждет, холостяка?

– Кота заведи. Или собаку.

– За ними ухаживать надо, а я ленивый. Да и возраст подошел, когда уже за мной бы кто поухаживал.

Руденко окинул фигуру Гольцова критическим взглядом:

– Ты еще ничего себе выглядишь, спортивно, только залысины появились, да и то они тебя не портят, площадь лба увеличивают.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Арсений Васильевич. – С чего это ты мне сегодня комплименты даришь? Денег хочешь занять? Или случилось что?

Руденко еще больше помрачнел:

– Проблемы, мать их за ногу!

– У кого их нет? Что за проблемы?

Руденко закурил, походил из угла в угол кабинета, плюхнулся на стул:

– Сосед у меня съехал, квартиру продал, в новый район жить подался.

– Ну и что?

– А на его место кавказец поселился.

– Чечен, что ли?

– Азербайджанец.

– Ну и черт его дерит, тебе с ним не за одним столом сидеть.

– Во-первых, он весь свой родственник кагал к себе перетащил, человек девять, а во-вторых, тихо они жить не умеют. В шесть утра уже стук-грюк начинается, а заканчивается после двенадцати. Я уже и увещевать ходил – спать же не дают, заразы, и грозился милицию вызвать – ничего не помогает.

– Закон же вышел, после одиннадцати шуметь нельзя.

– Им закон не писан. Я уже всех черных ненавидеть начинаю тихой ненавистью. Какого хрена им здесь надо? Приехали в Россию – так живите по нашим законам, а не по своим!

– Я тебя понимаю. Никто из нас не любит «лиц кавказской национальности». Мой сын в Муроме живет, тоже как-то жаловался на южан. А дочь, москвичка, вообще утверждает, что Москва уже на треть принадлежит кавказцам. Она в гимназии работает, и у них там пришлый семнадцатилетний чеченец – семья переехала – вдруг повесился. Представляешь? Влюбился в четырнадцатилетнюю девчонку, русскую, восьмиклашку, а ее родители, когда узнали, высказались однозначно: «Никаких черных в нашем роду не было и не будет!» Так ты знаешь, о чем больше всего мать этого чеченца горевала?

– О чем?

– Она убивалась, что ее сыночек не дождался пятнадцатилетия девочки.

– Ну и что?

– По их обычаям после пятнадцатилетия можно девушку украсть и заставить жить в семье молодого человека.

– Бред!

– Не бред, Юра, почти все кавказцы так и живут – по-волчьи. И это действительно проблема – жить рядом с ними. Я тебе сочувствую. Вспомни, когда начались этнические раздоры в Баку и Сумгаите, мы им сочувствовали. А они нас за это люто ненавидели! Вообще за то, что мы русские. Да, они делают ту работу, за которую мы от лени своей не беремся, обслуживают, чистят дворы, улицы, офисы, торгуют фруктами и всякой всячиной и при этом ведут себя как хозяева жизни, закрепляются в городах, везде утверждают свои «порядки» и подчиняются только своим желаниям.

– Это паскудство!

– Это страшно, Юра! Если их не останавливать, когда-нибудь они просто вышвырнут нас с нашей же земли!

– Ну, это мы еще посмотрим. – Руденко почесал нос, чихнул, встал. – Очень я надеюсь на возродившуюся русскую общину. Не даст она нас в обиду. Ладно, не будем о грустном. Пойду домой, снова воевать буду с соседями.

– Ты попробуй не воевать, лаской взять.

Юрий Филиппович усмехнулся в усы:

– Они только своих стариков слушаются. Попробую найти главных, может быть, помогут.

До завтра.

Дверь закрылась.

Арсений Васильевич посидел немного, катая по столу карандаш, потом собрался, закрыл кабинет и поехал домой, продолжая размышлять над причинами нелюбви соотечественников к «лицам кавказской национальности». В принципе, он не особенно следил за политическими и социальными новостями страны, но его частым собеседником был не кто иной, как полковник ФСБ в отставке Феликс Держанский, который хорошо ориентировался в проблеме и аргументированно отстаивал точку зрения спецслужб: «Вор должен сидеть в тюрьме, а кавказец – на Кавказе». По мнению соседа, Москва заполнена выходцами из южных краев уже почти на сорок процентов, и ситуация продолжает ухудшаться. А вместо того чтобы регулировать приток эмигрантов в столицу, правительство создаёт удивительные программы «формирования у коренного населения толерантного сознания, профилактики экстремизма и воспитания культуры мира». Что, естественно, вызывает в ответ стихийные и полуорганизованные акции протеста или такие движения, как скинхеды и национал-патриоты. Сосед предлагал свою программу: ограничить миграционный поток на уровне закона, как это сделали власти Берлина и Парижа. Там гражданство получить труднее, да и вид на жительство дают не в столицах или крупных городах, а в деревнях. Хотите жить у нас? Езжайте в деревню, работайте наравне с другими, поднимайте уровень сельского хозяйства!

– наших, значит, чиновники заставят быть толерантными, – горячился полковник, – а кто заставит кавказцев? Они же решают свои проблемы не по русским законам, а по своим племенным.

Арсений Васильевич не во всем соглашался с Держанским, но тоже знал – по рассказам дочери, что москвичи меняют квартиры, как только в доме становится много южан, и считал, что эту тенденцию надо как-то переламывать.

На город опустилась метельная ночь, вдоль улиц зажглись фонари, высвечивая струи летящего снега.

Арсений Васильевич закрыл машину в «ракушке», прошелся по двору, разглядывая светящиеся окна дома. Остро захотелось горячего чая.

Сквозь падающий с неба снег вдруг выметнулась стая ворон, собралась над детской площадкой в шар. Арсений Васильевич почувствовал знакомый взгляд сверху и понял, что его ждет работа. Подобные необычные явления всегда сигнализировали о приближении очередного сеанса, что указывало на прямую слежку за оператором, то есть за самим Арсением Васильевичем, со стороны неких сил, которые Гольцов называл Системой Коррекции, или СК. Но он так давно занимался коррекцией *запределья*, что привык и не переживал, как прежде, осознав, что находится под контролем. Было бы хуже, если бы он не верил в благие намерения Системы, а он – верил.

Вспомнилась вторая встреча с «хорошими людьми».

К нему пришли прямо в кабину «А» – Арсений тогда служил в армии лейтенантом, в зенитно-ракетных войсках (радиоинститут имел военную кафедру), гарнизон располагался недалеко от поселка Пограничный в Уссурийском крае, на китайской границе – двое в штатском и напомнили его обещание помогать им, данное при первой встрече; она состоялась еще в Рязани. Визитеров этих Арсений почти не запомнил, они были обычными неприметными людьми с простенькой внешностью, какие тысячами населяют города и поселки России. Запомнил только, что у одного из них был черный ноготь с вытисненным на нем золотым крестиком.

Посвящения как такового не было.

Визитеры, неизвестно каким образом умудрившиеся пробраться на охраняемую территорию зенитно-ракетного комплекса, сообщили Арсению, что он «избран для важных деяний на благо всех людей», ибо отмечен «высшим духом» и способен стать «великим вершителем путей» за пределами Земли и Солнечной системы. Что имелось в виду, Арсений понял гораздо позже, в момент же встречи он думал о другом, да и польщен был, что его избрали «для важных деяний».

– Как я узнаю, что мне пора работать и что делать? – спросил он.

– Узнаешь, – был ответ.

Так и случилось.

Уже на следующий день над позицией ЗРК птицы собрались в правильный шар, удивив дежурных офицеров и самого Арсения, а в кабине «А», где находилась система селекции движущихся целей (СДЦ), на которой он работал оператором, Гольцов внезапно потерял сознание и впал в транс, длившийся чуть больше трех минут. К счастью, никто из сослуживцев этого не заметил, а единственный подчиненный Арсения сержант Дубинин решил, что его начальник просто уснул.

Оказалось – не просто...

Арсения Васильевича окликнули, он очнулся, поздоровался с соседями по лестничной площадке – тихой супружеской парой, выводящей во двор собаку, и поднялся к себе в квартиру. Быстро переоделся, вскипятил чай, сделал пару обжигающих глотков и сел в кресло перед телевизором, не включая его.

Резко, будто где-то повернули выключатель, на него снизошло спокойствие. Арсений Васильевич ощутил прилив сил и уверенности, чего с ним не случалось давно. Включилась некая могучая защита организма от стресса и неприятных переживаний. Но вместе с тем он почувствовал необычное желание разобраться в своем состоянии, понять, почему оно приходит только перед *сеансом* работы в «запредельном пространстве» и почти не проявляется в реальной жизни.

Усилием воли Арсений Васильевич удержал себя в сознании, вбирая всем телом энергию открывшегося канала связи с *иными* континуумом, направил часть потока по своим чакрам и энергетическим меридианам, используя его как чистящий инструмент. Скачком пришло ощущение, что он может все! Даже вынуть из черепной коробки мозг и «очистить его от шлаков и разнообразной информационной грязи». Делать этого он, однако, не стал, побоялся, но кро-

веносную, симпатическую и нервную системы «почистил» излучением канала, цвет которого воспринимался как «нежно-синий ультрафиолет».

После этого Арсений Васильевич начал искать источник излучения и обнаружил его «высоко вверху», что соответствовало одновременно и космосу, и глубоким внутренним слоям материи кваркового уровня.

Кто-то посмотрел на него оттуда удивленно и недовольно, однако Арсений Васильевич вошел в раж и попытки определиться не оставил. Пошел дальше, поднимаясь еще «выше», пока перед ним словно не разорвалась невидимая силовая завеса и он очутился в ином мире, насыщенном движением и жизнью.

Описать этот мир было трудно даже впоследствии, но в состоянии «всемогущества» он понимал все, что здесь происходит, как и чем живет чужая природа.

Мир *запределья* я был текуч, подвижен, непрерывно менял форму объектов, струился, сверкал огнями, цвел, играл запахами и внезапно замирал на несколько мгновений, чтобы снова начать *движение*. И ощущал этот мир Арсений Васильевич не планетой, а колоссальной протяженности материальным образованием гораздо больших масштабов, чем планета, звезда и даже галактика. Хотя, возможно, он и представлял собой галактику – для его обитателей, или базовую «ячейку» бытия, каковой для людей представлялась планета Земля.

Однако понаблюдать за жизнью запредельной «галактики» долго не удалось. Тот, кто работал с Арсением Васильевичем в паре, некий мощный разум (Гольцов называл его Диспетчером), независимая сущность, живущая где-то на Земле (так ему почему-то казалось), напомнила ему о себе, пропустив разряд «горячей» энергии через сознание Арсения Васильевича, и он, полуослепший и полуоглохший, выпал в реальность своей квартиры, задыхаясь от нехватки кислорода.

«Не отвлекайся! – прилетела откуда-то чужая равнодушная мысль. – Этот сектор Универсума тебе недоступен. Ты линейный оператор, оператор второго уровня, делай свое дело и довольствуйся этим».

«Я хочу знать, что я делаю», – мысленно ответил Арсений Васильевич.

«Ретранслятору необязательно знать, что и куда он передает. Ты контролируешь и поддерживаешь равновесие положительных и отрицательных потенциалов целой метавселенной. Больше тебе знать не положено».

«И все-таки я хочу знать, что делаю!»

«Зачем? Меньше знаешь, лучше спишь, как говорят у вас. Не вмешивайся, не выводи свое знание на уровень сознания, иначе изменишь реальность».

«Я не стану менять реальность, но хочу понимать...»

«Похоже, ты устал, оператор, пора уходить на отдых. Мы подумаем над этим. А пока давай работать, нас ждут».

«Один вопрос: что означают «положительные и отрицательные потенциалы целой метавселенной»? Как это понимать? Как Добро и Зло?»

«Это чисто человеческая оценка энергий, участвующих в процессе корректировки реальности. Но если тебе так хочется, пусть будет Добро и Зло».

«И на чьей я стороне?»

«Ты посредине».

«Как же я могу корректировать равновесие, не ведая...»

«Разговорам конец! – На голову Арсения Васильевича снова упал каскад «горячего» сияния, выбивая из рассудка посторонние мысли. – Входим в общий канал! Начали!»

Арсений Васильевич всем телом почувствовал почти физический контакт с Диспетчером, словно ему подставили плечо, и овладел могучим потоком энергии, направляя его в мир *запределья*. Мысли и чувства полностью растворились в этом потоке. Арсений Васильевич перестал ощущать себя человеком, превращаясь в гигантский компьютер, управляемый про-

граммой коррекции «разнополюсных потенциалов», *встал* над чужой метавселенной «во весь рост».

Метавселенная проявилась перед глазами объемным светящимся сетчато-волоконистым образованием, ниточки-лучики которого имели разный цвет. Многие из них светились малиновым и коричневым светом, что говорило о преобладании в этих точках пространства «отрицательных» энергий. С ними надо было *работат*ь – подавлять экспансию негативных сил, очищать от «грязи и пыли», а если не удавалось – безжалостно отсекал, отрезать от общей структуры. Впрочем, то же самое надо было делать и с очень яркими «белыми» нитями и узелками, чтобы вся структура сохраняла некое таинственное «равновесие».

Арсений Васильевич глубоко вздохнул, чувствуя нетерпеливое соседство Диспетчера, и нацелился на кустик багрово светящихся жил...

ПРОСТО РАБОТА

С высоты птичьего полета пейзаж был красив и безмятежен, но что-то в нем присутствовало странное, отвлекающее от свободного парения и созерцания ландшафта.

Максим внимательно оглядел зеленое море лесов и трав под ногами, обнаружил черный провал и насторожился: провал притягивал взор, будоражил, заставлял напрягать зрение и пугал своими размерами и почти идеально круглой формой.

Болото? Или кратер вулкана?

Откуда на русской равнине вулкан? – возразил он сам себе. Просто понижение, свет солнца туда не достает, вот и кажется, что это кратер, дыра...

Вовсе не кажется. Это и в самом деле дыра!

Максим развернулся, скользнул к черному пятну, вглядываясь вниз, ловя в «кратере» смутные тени и светлые прожилки, и вдруг его понесла к пятну какая-то сила! Он забарахтался, молотя воздух руками и ногами, как пловец, попавший в горную реку, пытаясь удержаться на прежней высоте, но не смог, полет превратился в стремительное падение, и... он подхватился на кровати в холодном поту, с неистово колотившимся сердцем.

– Ты чего? – заворочалась жена.

В прихожей раздался телефонный звонок.

Максим бросил взгляд на часы: без пятнадцати восемь утра, – слез с кровати, прошлепал босиком по холодному полу в прихожую, снял трубку:

– Слушаю.

– Срочное задание, майор, – загундосил в трубке голос полковника Пищелко, начальника отдела; он никогда и ни с кем не здоровался. – Поднимай своих людей, Шамана тоже. Вылет в одиннадцать двадцать, то есть через три с половиной часа.

– Куда? – обалдел Максим.

– В Улан-Удэ. Все материалы получишь на аэродроме в Домодедове.

– Что случилось?

– По нашим данным, бандиты собираются похитить одного из лам Иволгинского дацана. Надо посмотреть на месте, соответствует ли информация действительности. Остальное – при передаче пакета.

Не попрощавшись, полковник отключил связь.

Максим в задумчивости положил трубку на телефон. Потом обзвонил всех членов своей команды, передал приказ собраться с вещами в аэропорту Домодедово и поспешил в ванную.

Отдел Федеральной службы безопасности, в котором он работал, официально назывался «отделом энергоинформатики», на самом деле эта структура инспектировала все пятьдесят два региона страны по выявлению экстрасенсов и ясновидящих и привлекала их к работе со спецслужбами. В каждом регионе существовал свой центр парапсихологии, в котором числились от трех до десятка экстрасенсов разного уровня, работу которых и контролировал Отдел (так его называли сотрудники между собой – просто Отдел). Главной его заботой было выявление и нейтрализация мощных экстрасенсов, работающих на криминальные структуры, так как экстрасенсы определенного уровня свободно могли выстраивать психоэнергетические программы человека таким образом, что он умирал в считанные дни. Бывали случаи, когда начинали гибнуть в автокатастрофах известные политики, не угодившие определенному преступному клану. А в Омске, к примеру, недавно участились случаи прямого зомбирования граждан, которые открывали двери своих квартир незнакомцам, а потом бежали в сбербанк, снимали с книжки деньги и передавали чужакам. Или выносили из дома все ценное. И напрочь забывали облик обокравших их людей. Группа Максима Разина занималась именно такими делами и с

большим трудом вычислила экстрасенса, который оказался... учителем истории в школе, но работал на местного омского авторитета.

В принципе, все крупные российские преступные группировки имели в своем «штате» экстрасенсов. Обязанностью Отдела и было их вычисление, определение местонахождения, рода занятий и вывод из-под криминальных «крыш». Раньше Отдел больше занимался проверкой способностей «магов» и «видящих», отделяя «зерна от плевел», то есть выяснял, где настоящий талант, а где шарлатан. Разрабатывались специальные методы диагностики на клеточном, радиоизотопном, биологическом и психическом уровнях, причем как в военных лабораториях, так и в гражданских институтах. В результате были созданы приборы – пси-сканеры или биолокаторы, способные по комплексному специфическому излучению (торсионного типа) определять запас психоэнергетики человека. А потом оказалось, что экстрасенсы существуют! Вопреки мнению авторитетных академиков! И действительно умеют предвидеть многие явления природы, а также воздействовать на человека дистанционно. Началась новая эра в изучении способностей хомо сапиенс, эра выявления *дар* а и его использования во благо человечества. Или во вред. Причем гораздо чаще – во вред. К примеру, ЦРУ публично призналось, что потратило только на разработку методов «экстрасенсорного шпионажа» более двадцати миллионов долларов, а сколько на создание методов зомбирования – осталось тайной.

Занимались проблемами телепатии, ясновидения и прочих энергоинформационных взаимодействий и российские военные и ученые. Хотя ни они, ни американцы никогда и нигде не заявляли, что не нашли подтверждений или опровержений реальности самих явлений. За них это сделала жизнь.

Впрочем, эти вопросы майора Максима Разина не волновали. Его подразделение имело конкретные установки – отлавливать экстрасенсов, становящихся на сторону криминальных структур, и передавать их в руки спецов из других отделов ФСБ. Дальнейшая судьба «заблудших колдовских овец» не должна была его интересовать.

Стараясь не шуметь, Максим начал собираться. Но жена все же проснулась, вышла в гостиную в одной рубашке. Фигура у нее была красивая, хотя уже начала полнеть сверх меры.

– Куда это ты?

– Задание, – виновато развел он руками.

– Какое еще задание? – Жена мрачно сдвинула брови. – Сегодня же суббота, мы к маме собирались поехать.

– В одиннадцать я должен быть в Домодедове, летим в Улан-Удэ.

– Никуда ты не полетишь! Мы все собрали, договорились маме перевезти мебель, одна я не справлюсь. Сейчас позвоню твоему Пищелке и скажу, что ты полетишь в понедельник.

Максим подавил раздражение, мягко обнял Варвару за плечи:

– Ну что ты чепуху городишь, как я буду выглядеть в глазах начальства? А лететь все равно придется.

Жена стряхнула руки мужа, глаза ее зло сверкнули.

– Сам позвони! Майор ты или петух общипанный? Говорил – будем вместе, планы строил, а сам? Я тебя вижу три раза в неделю! К черту твою службу! Ненавижу! Твои сокурсники уже в полковниках ходят, а ты три года все майор и майор!

Максим покачал головой. Это была, мягко говоря, неправда, но Варе доказывать ничего не хотелось. Да и невозможно было, когда она входила в раж.

– Сколько можно терпеть? Я ничего не вижу, кроме казарм и кухни!

И это была неправда, супруги Разины часто «выходили в свет», да и в Москве имели друзей, ходили в гости и в театры, но опять же, когда Варвара начинала выставлять мужу претензии, остановить ее могло только стихийное бедствие. И случалось это все чаще и чаще.

– Ты видел мой гардероб? – В голосе жены зазвучали слезы. – Два платья и костюм! Где твоя зарплата? Что на нее можно купить? Почему ты не устроился в коммерческую структуру, как Саша Бушкович?

– Сашка твой совсем отупел и обнаглел, рабов нанял...

– Тупой не тупой, а деньги лопатой загребает! В последний раз спрашиваю: полетишь или нет? Звони полковнику!

Максим потемнел:

– Варя, ну зачем ты так?..

– Я уже двадцать шесть лет Варя! Могла бы жениха получше выбрать, а не такого безвольного урода! Короче, не позвонишь – я...

– Что?

– Уйду!

Максим проглотил все, что вертелось на языке, побросал в сумку личные вещи, обошел жену, проговорил от двери глухо:

– Приеду – поговорим.

И вышел.

– Можешь не возвращаться, козел! – донеслось из-за двери.

Он стиснул зубы, вспоминая слова соседа. Тот как-то очень осторожно намекнул, что к жене ходит некий молодой человек. Что ж, вполне возможно, Варя завела любовника, уж слишком часто она стала вести себя стервозно, нервно, срываясь на каждой мелочи, устраивая скандалы по всякому поводу и без. О чем это говорит?

О том, что прошла любовь, завяли помидоры, саркастически ответил внутренний голос. Самому уходить надо, пока не поздно.

Но ведь я ее люблю?

Любил когда-то, сейчас – вряд ли. Покопайся в душе, она ответит.

Но нельзя же так, с ходу...

Ты давно уже подошел к последней черте, найди смелость – переступи.

И что я буду делать?

Предложи ей пожить врозь какое-то время, может, образумится.

Это идея, кивнул сам себе Максим, запахнул куртку и ссыпался по лестнице вниз, разом отсекая семейные проблемы от мыслительной сферы. Жена упрекала его в безвольности, по натуре же он был решительным и твердым человеком, человеком слова.

Группа ждала его на стоянке маршрутных такси. Все четверо: старлей Гена Пашкевич по кличке Писатель, лейтенант Веня Бурков по кличке Кузьмич, Герман Райхман, капитан, кличка – Штирлиц, и «гражданское лицо на службе» Иван-Доржо Итигилов по кличке Шаман. Ему исполнилось пятьдесят восемь лет, и был он самым настоящим шаманом, получившим вдобавок ко всему медицинское образование. Его «вычислили» еще предшественники Максима из Отдела и предложили работать на службу безопасности. Итигилов согласился и с тех пор являлся сотрудником ФСБ без погон. Нюх на экстрасенсов у него наличествовал великолепный, поэтому сочетание пси-сканера с «живым биолокатором» сильно увеличивало эффективность работы группы.

– Как настроение? – поинтересовался Разин.

– Не могли послать нас в понедельник? – недовольно проговорил Пашкевич, выражая общее состояние. – Что за спешка? Никуда бы он не делся.

– Кто?

– Кого мы едем ловить.

– Это решает начальство, – резонно заметил Райхман-Штирлиц. – Мне тоже хотелось бы отдохнуть в выходные, на рыбалку собирался с друзьями.

– И мне, – хмыкнул Бурков-Кузьмич.

Максим оглядел унылые физиономии подчиненных, усмехнулся:

– Это что – бунт на корабле?

– Новый фильм из сериала «Тупой и еще тупее», – вставил слово Шаман; говорил он редко, зато метко. – Третья серия, «Восстание тупых».

Максим засмеялся:

– Не в бровь, а в глаз. Пошли на посадку, «тупые». Где порученец?

– Не видели.

Из подъехавшей маршрутки вышел мужчина в дубленке, с портфелем, подошел к группе, выдыхая облачка пара; несмотря на проглядывающее сквозь тучи солнышко, мороз стоял нешуточный, градусов под восемнадцать.

– Кого ждем?

Это был капитан Сорокин, правая рука полковника Пищелко, начальника Отдела.

– С моря погоды, – буркнул Бурков.

– Разрешаю вылет, господа-товарищи. – Капитан пожал руки сослуживцам, вытащил из портфеля пакет. – Ознакомьтесь с заданием в самолете. Вот билеты и документы.

В руки Максима перешел еще один пакет.

– В Улан-Удэ вас встретит наш человек, местный чекист, устроит в гостиницу и поможет с транспортом. Вопросы есть?

– Есть, – сказал Кузьмич. – Дубленка на тебе государственная или на свои кровные купил?

Брови Сорокина полезли на лоб.

– На свои кровные. А что?

– Богато живешь, капитан. – Лейтенант посмотрел на приятелей. – Может, проверим его приборчиком? Вдруг он на мафию работает?

Сорокин сделал официальное лицо, повернулся к Разину:

– У вас есть вопросы, Максим Аверьянович?

– Он пошутил, – сказал Максим с улыбкой, взглядом одергивая подчиненного. – У него было тяжелое детство, беспризорное, потом детдом и служба. Уж ты его прости, Владимир Борисыч. Не любит наш Кузьмич богатеньких, бзик у него такой.

– Хрен вас поймешь, – пробурчал Сорокин, отходя, – когда вы шутите, когда нет.

Помолчали, глядя ему вслед.

Потом Максим свел брови в линию, глянул на старшего лейтенанта:

– Чего привязался к человеку со своими глупостями? При чем тут его дубленка?

Кузьмич шмыгнул носом:

– Я и сам не знаю. Не люблю я его, однако, холеный он какой-то, недобрый, да и одевается с подчеркнутым шиком.

– Хорошо одеваться – еще не значит – быть дураком. А Борисыч не дурак.

– Откуда у него башли на дубленки и фраки? Машину купил недавно – новенький FX-45. Где заработал? На капитанскую зарплату такую тачку не купишь.

– Это не наше дело.

– Может, и не наше. А богатеньких я и в самом деле не переносу, особенно тех, кто добывает деньги неправедным путем. Я читал, что у нас, в России, десять процентов населения – богачи, а концентрируют они в своих шаловливых ручках сорок процентов всех доходов населения. Как прикажете к ним относиться?

– Не все богатые нажили свой капитал неправедным путем, – подал голос Райхман. – И среди них попадаются нормальные люди, предприниматели и творческие личности. Я знаком с некоторыми крутыми бизнесменами и могу подтвердить: они очень ответственные люди и очень много работают.

– Каким же чудом они разбогатели?

– Не чудом, просто оказались в нужное время в нужном месте. Будь вы на их месте, вы бы тоже воспользовались моментом.

– Я слеплен из другого теста. Твои приятели наверняка уклоняются от уплаты налогов.

– Вот и нет, им это не нужно.

– Ты проверял?

– Отставить базар! – рассердился Максим. – Философы доморощенные! На посадку!

Пряча лица от ветра, группа направилась к зданию аэропорта.

Взлетели точно по расписанию и прилетели в Улан-Удэ тоже по расписанию – в шесть часов вечера по местному времени.

В столице Бурятии было теплее, всего минус шесть, но тоже шел снег.

Разомлевшую в самолете группу встречала симпатичная девушка в черной меховой шубке, усадила в «Баргузин» и отвезла в гостиницу «Майдари», где все и поселились.

За время полета Разин ознакомился с переданными Сорокиным материалами и знал, что предстоит делать его команде.

Местный криминалитет, как оказалось, имел «крышу» в лице главы городского УВД Льва Вайсмана, поэтому обращаться к милиции за помощью не стоило. С подачи того же Вайсмана «братки» выкрали из Иволгинского дацана одного из молодых монахов, сильного экстрасенса, судя по наблюдениям чекистов, и заставили работать на структуру. Теперь надо было вычислить его местонахождение, освободить и перевезти в Москву.

Простой задачу назвать было трудно, так как зима сильно осложняла маневры группы, к тому же монаха наверняка охраняли по высшему разряду, как президента, уж очень большую выгоду сулило применение его способностей бандитам. Во всяком случае, именно с его помощью местная мафия устранила соперников с юга и расставила на руководящие посты в республике своих людей.

– То, что они задавили кавказцев, это хорошо, – сказал Пашкевич-Писатель, – но то, что их «крышует» милиция, это плохо.

– Нам эти нюансы до лампочки, – сказал Кузьмич. – Важно другое: эта связь добавляет проблем.

– Ничего не до лампочки, – возмутился Пашкевич. – За державу обидно! За коллег, переметнувшихся на сторону бандитов.

– Какие они тебе коллеги, – проворчал Райхман-Штирлиц, чем-то и в самом деле похожий на артиста Тихонова, сыгравшего Штирлица в фильме «Семнадцать мгновений весны». – Коллеги остались на этой стороне, а на ту переметнулись предатели.

– Давайте о деле, – остановил спор Максим. – У кого какие соображения?

Ответом ему было молчание.

В самолете так никто ничего и не предложил. В гостинице же нашлись соображения у девушки-проводника – ее звали Еленой Вышинской, оказавшейся капитаном УФСБ Улан-Удэ, и у Шамана.

Шаман, то есть Иван-Доржо Итигилов, или, как его чаще называли члены группы, – Ваня Дрожжевич, бурят по национальности, говорил мало, знал много, поэтому его советы всегда были конкретны и практичны.

– Я схожу в дацан, – сказал он бесстрастно, шуря и без того узкие глаза; по-русски Ваня Дрожжевич говорил чисто, но его выдавал характерный горловой «акцент». – Поговорю с настоятелем. Все узнаю. Потом обсудим.

– Отлично! – кивнул Максим. – Настоятель и монахи должны знать обстоятельства дела и могут подсказать путь.

– А я выдам вам всю информацию о передвижении и о встречах генерала УВД Вайсмана, – добавила Вышинская. – Мы давно следим за его деятельностью, вычисляем связи,

которые тянутся аж на самый верх, в Москву. Возможно, это даст вам шанс найти адрес, по которому мафиози прячут монаха.

– Если вы знаете о его связях с бандитами, – проворчал Бурков, – почему не берете с поличным?

– Не знаю, – смутилась Вышинская, – я только координатор по оперативно-разыскной работе, делом Вайсмана занимается отдел по борьбе с коррупцией...

– Если уж занялись этим «оборотнем», – хмыкнул Пашкевич, – то доведут до финала.

– Оптимист ты, Писатель. Сколько таких дел открывалось за последние годы и тут же закрывалось по указке сверху? Генералов вообще, по-моему, не судят, всегда спускают их дела на тормозах.

– Не всегда.

Вышинская с интересом посмотрела на спорщиков, и Максим, пряча досаду, сказал с усмешкой:

– Не слушайте этих теоретиков, капитан, они спорят просто от безделья. Когда вы снабдите нас данными «наружки»?

– Завтра утром.

– Вот с утра и начнем работать, – решил Разин. – Дискуссий не начинать, всем спать. Писатель, проводи хозяйку.

– Не надо, я сама доберусь. Спокойной ночи.

Вышинская ушла.

Поворчав, группа разошлась по номерам.

Наутро, после раннего визита симпатичной представительницы УФСБ, разделились на два отряда: Писатель, Штирлиц и Кузьмич отправились изучать видеопленку наблюдений за главными действующими лицами местной «элиты», а также местность, Разин же поехал с Шаманом в Иволгинский дацан. Вышинская сдержала обещание, и группе были приданы два автомобиля: микроавтобус «Баргузин» и новенькая «КИА Брабус». Водителями машин были сотрудники Управления, что упрощало контакты с местной патрульно-постовой службой в случае каких-либо осложнений.

«Брабус» выехал на Кяхтинское шоссе.

Иволгинский дацан – монастырь по-русски, располагался в тридцати километрах от города, дорога была очищена от снега, тучи разошлись, выглянуло солнце, и снежная равнина по обеим сторонам шоссе заискрилась россыпями драгоценных камней. Настроение Максима слегка поднялось, хотя он помнил размолвку с женой и особого повода радоваться жизни не имел.

– Летом здесь красиво, – кивнул на пейзаж Иван-Доржо. – Ты не бывал на Майдари-хурале?

– Нет, – качнул головой Максим. – Что за праздник?

– По буддистским верованиям в будущем, по окончании калпы, в наш мир снизойдет новый Будда – Майдари, чтобы принести обновленное учение. Майдари-хурал – это символическая встреча нового Будды.

– Интересно было бы посмотреть.

– Я был много раз. Красивое зрелище, торжественное, особенно шествие. Впереди идет монах, окропляет дорогу освященной водой из ритуального сосуда, за ним ламы с благовониями, служители в красно-бордовых бонго и в желтых шапках, следящие за порядком и соблюдением правил церемонии, и монахи, тянущие колесницу. Послушники держат жалцаны...

– Что?

– Штандарты освобождения от земных привязанностей. Красиво, – повторил Шаман, оставаясь бесстрастным. – Только вряд ли с приходом Майдари наступит счастье на земле.

Максим с любопытством посмотрел на собеседника. Обычно экстрасенс молчал, думая о чем-то своем, недоступном простым смертным, а тут вдруг разговорился. С чего бы это? Разволновался, вернувшись на родину?

По губам Шамана скользнула едва заметная усмешка.

– Ты прав, командир, это родина, однако.

Максим улыбнулся в ответ, не удивляясь прозорливости Итигилова. Шаман часто удивлял сослуживцев своими способностями читать мысли и предвидеть опасные ситуации. Экстрасенсом он был сильным.

Машина свернула к отрогу хребта Хамар-Дабан, впереди показались башни и стены монастыря. Пара яков, запряженная в нечто похожее на сани, свернула к обочине дороги. Монах в лохматой шубе и шапке, бредущий рядом, проводил машину внимательным взглядом.

– Нас встретят, – сказал Шаман.

– Ты уверен?

– Настоятель уже знает, что мы едем к нему.

Максим оглянулся, кивнул на сани с ездоком:

– Сторож?

– Здесь каждый камень – сторож. Тебя не пропустят в дацан, будешь ждать в машине, командир.

– Честно говоря, я бы хотел сам задать настоятелю пару вопросов.

– Я все узнаю, не беспокойся.

Подъехали к воротам монастыря. Навстречу вышел монах в малиновой накидке и лохматой шапке, поднял руку.

Водитель остановил «Брабус».

Максим и Шаман вылезли.

– Мы бы хотели поговорить с настоятелем... – начал майор.

Монах снова поднял руку, Максим замолчал.

Короткая фраза.

Максим посмотрел на спутника.

Шаман кивнул:

– Приглашают меня одного.

– Черти полосатые, – усмехнулся Максим, – не глянулся я им. Что ж, иди, знаешь сам, что делать.

Монах, не оглядываясь, пошел к неприметной дверце в стене монастыря, рядом с воротами. Шаман последовал за ним. Максим проводил их взглядом, поежился под ветром. У стен дацана было ветрено и значительно холоднее, чем в городе, хотя снегу было меньше. Громада монастыря производила странное впечатление. С одной стороны, это было замечательное архитектурное сооружение, очень древнее, тяжеловесное, монументальное, строгое, явно рассчитанное не по канонам золотых сечений и вурфов. С другой – оно бросало вызов стихиям, гордо поднимая к небу башни и стены, уподобясь недалеким горным хребтам. Словно создавали его не люди, а великаны.

Максим побродил вокруг машины, поглядывая на стены монастыря, на безлюдные склоны холмов, выходы скал, горные пики, потом достал из сумки пси-сканер «Беркут».

С виду прибор походил на цифровой фотоаппарат, на самом же деле он представлял собой чудо нанотехники, последнее поколение биолокаторов, «искателей психоэнергетических объемов», и мог засечь практикующего экстрасенса на расстоянии до полукилометра.

В глазок сканера Иволгинский дацан выглядел стеклянным, полупрозрачным, но стоило только включить прибор, он засиял как осколок солнца, и Максим, зажмурившись, отдернул руку, изумленный и ошеломленный. Впечатление было такое, будто в монастыре располагался могучий генератор торсионного поля, накрывающего все сооружение каскадом излучения.

Либо это «работал» эгрегор собравшихся вместе для молитвы монахов, либо среди них находился экстрасенс исключительно высокого уровня. Настоятель, к примеру.

Максим снова поднес окуляр «Беркута» к глазу.

Ничего!

Монастырь как монастырь! Лишь изредка сквозь стены просверкивают алые лучики. Где же только что сиявшее «солнце»? Или это был сбой системы сканера? Момент настройки? Не может быть! Раньше такого не случалось. Неужели владыка дацана почувал наблюдение и «выключил» свой «пси-прожектор»?

Максим запустил программу поиска на всех диапазонах, но добился лишь того, что прибор обнаружил несколько слабеньких энергоинформационных источников, соответствующих спектру человеческих аур. Монахи, обладавшие экстрасенсорными способностями, среди обитателей монастыря были. Но тот, кто едва не ослепил майора, больше «не высовывался».

Если ты такой сильный, подумал Максим с осуждением, почему допустил, чтобы бандиты украли твоего монаха?

В глубине монастыря – сквозь окуляр сканера – разгорелась лучистая оранжевая звездочка, погасла. Будто кто-то подслушал мысли майора и подмигнул ему.

Максим усмехнулся. Проработав в Отделе больше двух лет, он перестал быть скептиком. Кто бы что ни говорил, какие бы доводы ни приводил, феномен экстрасенсов существовал реально, и с этим надо было считаться.

Шаман вышел через сорок минут, сосредоточенный и бесстрастный, как и всегда. Сел в машину:

– Поехали.

– Куда?

– В гостиницу. Потом в аэропорт.

Максим удивленно посмотрел на Ваню Дрожжевича:

– Шутишь? В чем дело, Иван?

– Наше начальство неправильно оценило ситуацию.

– Конкретнее.

– Монаха из дацана никто не похищал. Он заслан в ряды местной мафии настоятелем.

– Зачем?!

– Бандиты «наехали» на монастырь, решили снимать с монахов дань, как и с остальных граждан, занимающихся бизнесом. Пригрозили в случае отказа взорвать монастырь.

– Монахи занимаются бизнесом?

– Не занимаются, но средства у них есть. Вот бандиты и решили обложить их данью. А так как местная милиция с ними заодно, ничего не предпринимает для защиты монастыря, то монахи и разработали план спасения. Теперь в рядах мафии есть разведчик дацана, который вовремя предупреждает настоятеля о намерениях бандитов. Слух о похищении монаха был распространен намеренно, чтобы «братки» не догадались о шпионе.

Шаман выдохся, замолчал.

Молчал и обалдевший Максим, не зная, что сказать и что делать дальше. Если все обстояло так, как рассказал Шаман, группе в Улан-Удэ делать нечего. Однако начальство в Москве едва ли оценит юмор ситуации, если ему доложить о реальном положении дел. Возвращаться в Москву было рано.

В обед группа собралась в гостинице, и майор сообщил подчиненным о замысле настоятеля. После недолгих дебатов решили побыть в столице Бурятии еще день, чтобы начальство не обвинило в нежелании работать серьезно. Впервые задание оказалось пустой тратой времени, сил и средств, заканчиваясь неудачей. Хотя, с другой стороны, такая неудача стоила многих побед. За преступной группировкой Улан-Удэ теперь присматривали не только чекисты, но и монахи, что в скором времени должно было дать результаты и уничтожить группировку.

В Москву вернулись в понедельник.

Приехав домой, Максим обнаружил, что дверь в квартиру заменена на металлическую и старые ключи к замку не подходят.

Первой была мысль: убью!

Потом он заставил себя успокоиться, сел на ступеньку лестницы и подумал: может, это к лучшему? Жена решила все сама, зачем ей мешать? Надо лишь забрать свои вещи и уйти. Или попробовать все же разрядить обстановку?

Он встал и нажал кнопку звонка.

БЫТИЕ

К обеду небо затянули черно-фиолетовые тучи, предвещавшие снегопад, стемнело. Зато резко проступила белизна заснеженной равнины, будто снег засветился изнутри. Четче проступили на этом фоне темно-зеленая полоса близкого леса и серо-черные дома окраины Родомля.

Заигрался под вечер на Николу мороз,
Снег в лесу – не бывает белее.
В колдовскую страну неразгаданных грез
Я вхожу удивленно, робея...

Дороги замело, поэтому бабушке с внуком пришлось идти по бездорожью, по крепкому насту, хотя иногда наст не выдерживал и проваливался под ногами. Что, впрочем, не огорчало мальчика, живущего в предвкушении Нового года. Изредка бабушка сажала его на санки, и тогда он вообще чувствовал себя счастливым.

Вышли за околицу, пересекли поле, где летом паслось стадо деревенских коров. Лес приблизился, тихий, темный, загадочный. Бабушка обошла низинку, подвела внука к поросли молодых елок и сосен:

- Не замерз, путешественник?
- Не-а...
- Выбирай, какая на тебя смотрит.

Арсик, покрасневшийся от ходьбы и мороза, критическим взглядом прошелся по лесным красавицам, протянул ручонку:

- Эту.
- Правильно, глаз у тебя верный, и я бы эту выбрала.

Бабушка достала топорик, перекрестилась, срубила пушистую двухметровую сосенку, увязала и уложила на санки:

- Управиться бы до метели.

И они побрели назад к поселку: полтора километра снежного царства, низкие тучи, белое пятно среди них – там, где находилось солнце, мороз, искрящийся наст, зима... Два дня до Нового года... праздник в душе...

Двое на снегу, бабушка и внук, прошлое и будущее, соединившееся в настоящем.
Как давно это было...

Арсений Васильевич посмотрел на часы: десятый час утра. Воскресенье, восемнадцатое января, можно и понежиться в постели, благо на работу не идти. Хотя привычка вставать рано уже разбудила организм, и сон вряд ли придет как желанный гость. И так всегда: в обычный рабочий день страшно хочется спать, поднимаешься на автомате, а когда появляется возможность поспать лишние два-три часа, сон вдруг улетучивается, недовольно ворча, лежишь и ждешь, когда воля заставит тебя встать.

Арсений Васильевич включил телевизор, прошелся по каналам, послушал утренние новости, выключил. Полежал еще немного, мечтая, что вот сейчас на кухне загремит посуда и голос жены позовет его завтракать.

Тишина на кухне. Тишина во всей квартире. Никто не загремит посудой и никто не позовет. А ведь было когда-то. В детстве звала бабушка (бабуля родная, как же мне тебя не хватает!) либо приносила горячие блины со сметаной или со шкварками прямо в постель:

- Поешь, сынок, пока с пылу, с жару...

Потом ухаживала мама.

Потом жена.

Теперь никто. Дети не в счет. Они появлялись в доме отца редко.

Арсений Васильевич снял трубку телефона, позвонил сыну в Муром. Ответили через несколько минут:

– Але, у телефона...

Голос Гольцова-младшего, хриплый и невнятный, выдавал его состояние. Такое обычно называли характерным словечком «с бодуна».

– Разбудил? Извини.

– Пап, ты? Что случилось?

– Ты обещал позвонить, когда сходишь на встречу с нанимателем, но не позвонил, вот я и беспокоюсь. Что с работой? Устроился?

Пауза.

– Нет...

– Почему?

– Я не попал на прием...

Арсений Васильевич сжал зубы:

– Почему?

Еще пауза.

– Опоздал...

– То есть проспал! И что дальше? Ты понимаешь, что так жить нельзя?!

– Я найду работу...

– Ты ищешь ее уже полгода! Если совесть позволяет тебе так жить – живи. Я все могу понять. Но принять – нет, потому что это неправильный образ жизни, иждивенческий.

– Тебя же кормили родители... – буркнул Кирилл.

– До восемнадцати лет, – согласился Арсений Васильевич. – А тебе сколько? Тридцать. Ты ведь не дурак, многое можешь, в компьютерах разбираешься, надо только захотеть. Поверь мне: это счастье – ни от кого не зависеть, зарабатывать на хлеб самостоятельно! Я был горд тем, что живу, не прося помощи, хотя на зарплату инженера не очень-то и развернешься. Начни, и ты поймешь.

Сын помолчал:

– Хорошо, я постараюсь... мне деньги нужны... За квартиру заплатить...

Арсений Васильевич усмехнулся:

– Приезжай, позвони только, чтобы я был дома.

Он повесил трубку, посидел на диване, сгорбившись, решил было позвонить Юревичу и предложить совместный поход на рыбалку, но в это время позвонили в дверь.

Пришел сосед-полковник, слегка навеселе: от него пахло пивом и воблой.

– Привет, молодежь.

– Какая там молодежь, – махнул рукой Арсений Васильевич. – Песок уже сыплется.

– Ну, не скажи, выглядишь ты на сорок, аж завидно. Мне вот пятьдесят восемь стукнуло, и все – на лице. – Феликс Константинович, круглый, лысый, морщинистый, одетый в полосатую пижаму, плюхнулся на диван. – Может, поделишься секретом, как надо сохранять молодость?

– Не знаю я никакого секрета, – улыбнулся Арсений Васильевич. – Разве что зарядку делаю по утрам да раза два в неделю хожу в спортзал.

Бывший полковник ФСБ с хитрым видом погрозил пальцем:

– Ой не верю я тебе, Арсений, ой не верю. Скрываешь ты что-то, ой скрываешь.

Арсений Васильевич почувствовал себя неуютно. Подумал: неужели старый чекист пронюхал что-то о моей «запредельной» деятельности? Экстрасенс он, что ли? Или просто алкоголь в голову ударил?

– Я догадываюсь, куда ты ходишь, – продолжал Феликс Константинович. – Читал в газете, что какой-то ученый по фамилии Гаряев способ нашел омоложения. Ему шестьдесят пять, а выглядит он на тридцать.

– Я тоже читал, – кивнул Гольцов. – Его зовут Петр Петрович, он ученый-биолог, разработчик теории волнового генома.

– Чего?

– Геном – это информационная матрица организма, программа его развития. Так вот Гаряев облучает себя лазером, излучение которого промодулировано здоровым геномом, и клетки тела начинают омолаживаться, излечиваться от болезней, избавляться от всяких «шлаков». Вполне может быть, что этот метод работает. Хотя есть еще один – инъекции стволовых клеток. Говорят, тоже помогает.

– И ты этим не пользуешься?

– Нет.

– Честно?

– Да.

Феликс Константинович покачал головой, сделал гримасу:

– Не хочешь признаваться. Ладно, дай адрес этого Петра Петровича, пойду попрошу, пусть сделает меня помоложе.

Арсений Васильевич засмеялся:

– Зачем тебе, Константиныч? Жениться надумал, что ли, на молоденькой?

– А что? Я еще очень даже могу... помечтать, несмотря на лысину.

– А жену куда денешь?

– Брошу к чертовой матери! Надоели ее проповеди хуже горькой редьки! Жен вообще надо менять раз в три года, это я такой дурак, с одной сорок пять лет живу. Знаешь песню? Есть только миг между прошлой и будущей, именно он называется жизнь. Это как раз о женах.

Арсений Васильевич снова засмеялся:

– Достала тебя Софья Сергеевна. Хочешь коньячку?

Сосед почесал затылок, махнул рукой:

– Давай. Я с утра уже махнул пивка, так она разоралась, алкашом обозвала, а я свою меру знаю, чего ругаться?

В дверь позвонили.

Мужчины переглянулись.

– Жена, – сказал Феликс Константинович уверенно. – Учужа, гримза старая.

– По-моему, твоя Софья очень симпатичная женщина. – Арсений Васильевич пошел открывать. – Зря ты на нее наезжаешь, Константинович. На твоём месте я бы с ней по пустякам не ссорился, потерпел бы до золотой свадьбы.

– А потом? – заинтересовался сосед.

– А потом потерпел бы еще лет двадцать.

Бывший полковник сплюнул, хотел что-то сказать, но Гольцов уже открыл дверь, и в прихожую вошла полная, седая, с добрым круглым лицом и молодо блестящими глазами Софья Сергеевна, жена Феликса Константиновича:

– Ты уже прости, Арсений Васильевич, за вторжение, мой-то у тебя небось сидит? Отдыхать не дает.

– Все нормально, Софья Сергеевна, мы тут о бессмертии рассуждаем.

– Нашли тему. – Женщина поманила выглянувшего мужа пальцем. – Пошли домой, бессмертный, помощь твоя нужна.

Феликс Константинович уныло поплелся в свою квартиру. На пороге оглянулся:

– Я к тебе вечерком загляну, если не возражаешь.

– Какие возражения, – пожал плечами Арсений Васильевич, – заглядывай, продолжим разговор.

Соседи ушли.

Он покачал головой, невольно вспоминая Милославу: жена никогда не позволяла себе осуждать или как-то ограничивать мужа в его личных делах и на отдыхе. Лишь отшучивалась, когда подруги укоряли ее в том, что она не следит, где и с кем встречается ее благоверный. Есть ли еще такие женщины, беззаветно преданные одному-единственному, верящие в его ответную преданность и честность? Наверное, есть. Но это не Софья Сергеевна, хотя едва ли она так уж контролирует мужа, запрещая ему ходить в гости. Она не из тех, кто едет за мужем в Сибирь и портит ему всю каторгу. И все же Мила была другой...

Тихо зазвонил телефон.

Арсений Васильевич вздрогнул, снял трубку.

– Не разбудил? – раздался в трубке голос Юревича.

– Уж давно встал, – вздохнул Арсений Васильевич.

– А вздыхаешь чего?

– Так... на душе беспокойно...

– Не выспался?

– Да нет, выспался.

– У меня сын зимнюю сессию сдал, есть повод отметить. Не хочешь с нами в ресторанчик сходить, пообедать?

Арсений Васильевич улыбнулся, понимая подоплеку вопроса. Жена Анатолия Нина сильно переживала, что начальник и друг мужа остался один, и всегда старалась как-то поддерживать его, приглашать в компанию, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

– Спасибо, Толя, я дома побуду, ремонтом займусь. Книжные полки кое-где разошлись и погнулись, надо в порядок привести.

– Ну, смотри, а то присоединяйся, мы на два часа столик в «Пушкине» заказали. Будем рады, если придешь.

Арсений Васильевич подержал трубку в руке, поникнув головой, потом встрепенулся, подумав, что не стоит все воскресенье предаваться унынию. Полки и в самом деле требуют ремонта, а сделать его некому.

До обеда он возился с мебелью, ремонтировал книжный шкаф, переставлял книги. Захотелось есть. Вспомнив предложение Юревича, Арсений Васильевич быстренько собрался и направился к ресторану «Пушкин», располагавшемуся всего в трех кварталах от дома Гольцова, на улице Шевченко. Недавно прошел снег, мороз смягчился, и идти пешком по скрипучему от снега тротуару было приятно.

Арсений Васильевич прожил в Жуковском больше тридцати лет, с момента окончания радиоинститута и службы в армии, поэтому знал город хорошо.

Собственно как город Жуковский вел свою историю со времени закладки первых аэродинамических труб в тысяча девятьсот тридцать шестом году и строительства нового Центрального авиационного государственного института. С ним связано и создание в России мощной авиационной промышленности, опиравшейся на разработки ЦАГИ и ЛИИ – летно-испытательного института. Однако на месте Жуковского когда-то располагались древнее село Новорождественское и деревня Колонец, корни которых уходили в седую старину – в шестнадцатый и пятнадцатый века. От поселений этих в нынешние времена почти ничего не сохранилось, кроме церкви Иоанна Предтечи да дворца графа Мусина-Пушкина, не считая более мелких строений. Остальные здания были построены уже в советскую эпоху плюс дворцы-новоделы «новых русских», выросшие как грибы в конце двадцатого – начале двадцать первого века. Один из таких дворцов-замков стоял совсем рядом с домом Арсения Васильевича и принадле-

жал владельцу казино «Буран». Гольцов часто проходил мимо этого «замка» по пути на работу, когда не надо было спешить, и любовался его замысловатыми готическими башенками.

Семья Юревичей уже сидела за столом с видом на парк: Анатолий, жена Нина, две дочери и внучка Ксюша. Арсений Васильевич пожал руку приятелю, погладил Ксюшу по головке:

– Как дела, пичуга?

– Хорошо, – серьезно ответила девчушка.

– Ну и отлично! Вы уже заказали?

– Мы полчаса назад заявили, – кивнул Юревич-старший. – Садись, бери меню. Пивка не хочешь на аперитив?

– Не откажусь. – Арсений Васильевич раскрыл меню.

В зал ввалилась группа молодых людей в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет: четверо парней и трое девушек. Парни были одеты не для ресторана – в спортивные костюмы и высокие ботинки со шнуровкой, армейского типа. На девицах красовались блестящие, переливающиеся всеми цветами радуги шубки из шкур несуществующих животных, под которыми – когда они их сняли – не оказалось почти ничего. Во всяком случае платьями эти опять же блестящие лоскутки материи, открывающие прелести молодежи, назвать не поворачивался язык.

Один из парней развязной походкой направился к столу, за которым сидели Юревичи и Арсений Васильевич.

– Эй, мужики, пересядьте за другой стол, здесь мы сядем.

– Это почему? – удивился Анатолий. – Столик не заказан...

– Заказан! – Парень, ухмыляясь, потряс пудовым кулаком. – Вот наш заказ. Усекли? Пересаживайтесь!

– И не подумаем! – возмутилась Нина. – Нас посадили, когда здесь никого не было, и мы имеем полное право...

– Засунь свое право в... – скривился спортсмен. – Валите отсюда, пока я добрый!

– Чего они тут? – подошел к спортсмену приятель, такой же мордатый, плотный, с заметным брюшком.

– Не хотят пересаживаться, – оглянулся тот. – Права качают, г... с...е!

По-видимому, со словарным запасом у спортсмена было туго, и он то и дело переходил на ненормативную лексику.

Нет такой чистой и светлой мысли, вспомнил Арсений Васильевич, которую русский человек не мог бы выразить в грязной матерной форме.

– Зачем вы ругаетесь при детях, молодой человек? – пристыдил он парня. – Ведите себя прилично! Столиков незанятых хватает, садитесь за любой.

– А ты еще что за хер с бугра?! – вытаращился на него спортсмен. – Чего залупаешься?! По фейсу захотел?!

Арсений и Анатолий переглянулись. В глазах приятеля читалось сомнение и нежелание ввязываться в конфликт с молодыми отморозками.

– Давайте пересядем, – робко предложила Люда, старшая дочь Анатолия.

– Ну уж нет! – Арсений Васильевич встал... и сел обратно от толчка кулаком в лицо. Это был не удар, а именно толчок, но Гольцов, никогда в жизни не занимавшийся единоборствами (секция бокса в школе не в счет), не смог увернуться. Покраснев от стыда, он снова попытался встать и снова плюхнулся на стул от такого же тычка в лоб.

– Не дергайся, баклан, – бросил ему спортсмен презрительно, – не то зубы собирать начнешь. Пошли отсюда, я сказал!

– Я позову официанта, – поднялся Анатолий, – сидите, не вставайте.

Но официант уже сам спешил к ним в сопровождении охранника в строгом черном костюме.

– Что такое, граждане? В чем дело?

– Они хотят согнать нас с места, – сказала Нина со слезами в голосе. – Наглые такие, да еще дерутся.

Официант посмотрел на спортсмена и его напарника:

– Дима, сядьте за другой столик. Есть место у окна в другом зале.

– На хрен нам другой зал! – оскалился спортсмен. – Мы тут всегда сидим.

– Вы не заказывали...

– Я ща тебе как закажу по харе!

– Спокойнее, Каток, – сказал охранник, беря спортсмена под локоть; видимо, он его знал. – Не бузи. Стол занят, садитесь за другой.

– Ты чо, Колян?! Мы же каждый день почти тут кантуемся, пересаживаем этих лохов, и дело с концом!

– Они уже сделали заказ. Не шумите, садитесь за свободные столы.

– Ну, смотри, Колян, я тебе это припомню!

Ворча, оглядываясь, бросая недобрые взгляды на притихших женщин и мужчин, компания удалилась в другой зал.

– Извините, – сказал официант, разводя руками, – они часто у нас бывают. Это сын мэра и его друзья.

– Каток? – хмыкнул Анатолий, усаживаясь за стол.

– Так его прозвали свои же. Двадцать четыре года, нигде не учится и не работает. Мы уже не знаем, что делать. Как только он появляется у нас, обязательно возникает скандал. Что будете заказывать?

– Может, все-таки уйдем отсюда? – нерешительно проговорила Нина. – От греха подальше.

– Нет, пообедаем, раз уж пришли, – возразил Юревич. – Подонкам надо давать отпор, иначе они совсем обнаглеют. Правильно, Арсений Васильевич?

Гольцов кивнул, не поднимая глаз, красный от стыда и злой от неуютного чувства обиды. Он впервые в жизни пожалел, что не смог дать достойного ответа наглецам. В детстве Арсений немного занимался боксом, но это увлечение быстро прошло, и защищаться он так и не научился. Не было ни стимула, ни особой надобности.

Обед прошел скучно. Нина пыталась выглядеть веселой, рассказала пару смешных случаев из жизни военкомата – она работала там в приемной комиссии, да и Анатолий завел разговор о работе, чтобы отвлечь шефа и друга от грустных размышлений. Но Арсений Васильевич так и не смог перестроиться, для виду поддерживая разговор. Домой он вернулся в дурном расположении духа.

Долго ходил по пустым комнатам, протирал полки, разбирал и переставлял книги. Решил было заняться с понедельника каким-нибудь видом борьбы типа кунг-фу или карате, даже брошюры нашел соответствующие, еще сын покупал в те времена, когда они жили вместе, семьей. Но, усмехнувшись, поставил на место. В его годы начинать тренироваться, чтобы стать мастером единоборств, было поздно и смешно.

Тогда Арсений Васильевич сел за компьютер и до вечера играл в «ходилку» по страшным мирам, отражая атаки чудовищ и спасая встречающихся на пути прекрасных дам. Поэтому он с трудом заметил, как игра перешла в *sean* с. Его «запредельный» напарник-Диспетчер никогда не интересовался, чем занимается оператор в своей реальности в данный момент, удобно ли ему и вообще имеет ли он возможность *работат* ь на чужую систему.

Выключать компьютер Арсений Васильевич не стал. Сел поудобней в кресло и погрузился в энергоинформационный поток, понесший его в *запределье* е.

Однако на этот раз он решил снова попытаться работать на уровне сознания, не так, как прежде, полагаясь только на подсознательные движения души, эмоциональные ощущения и тонкие интуитивные оценки типа «хорошо» и «плохо».

Канал связи с з а п р е д е л ь е м образовался текуче-бесформенным пространством, в котором обозначились темные паукообразные области и светлые прожилки, объединившиеся в объемную волокнистую сеть. Кое-где внутри «пауков» возникали черные ядра, эти ядра несли в себе большой заряд ч у ж и х устремлений и желаний, и надо было не допустить их укрупнения и объединения в общий «эгрегор зла».

Точно так же следовало ограничивать и рост светлых волокон, которые пытались задавить темные области, расщепить на отдельные струйки и овладеть всем пространством.

Весь этот процесс и назывался «коррекцией энергоинформационного поля с передачей позитивного вектора развития полиморфных разумных структур». Другими словами, Арсений Васильевич как экзоператор поддерживал равновесие «добра и зла» в какой-то из метавселенных, о которой он не имел ни малейшего понятия, опираясь лишь на зыбкое внутреннее понимание таких категорий. До этого момента он не задумывался над результатами своей деятельности, так как считал, что действует правильно. Да и Диспетчер не имел к нему особых претензий. Теперь же ему захотелось понять, что именно он корректирует, каким образом его команды сказываются на жизни *запределья* и не приводит ли его вмешательство в чужую жизнь к негативным последствиям.

Какое-то время Арсений Васильевич манипулировал потоками «психической» энергии в прежнем темпе. Потом резко пошел «вверх», туда, где клубилась золотисто-багровая мгла с плавающими в ней радужными пузырьками, напоминающими пузырьки газа в шампанском.

«Куда?!» – отреагировал на его прыжок невидимый и неизвестно как выглядевший (человек ли?) Диспетчер.

Арсений Васильевич не ответил, проскакивая мембрану контроля (нечто вроде сетки из молний, ограничивающей сферу коррекции), и вошел в один из «пузырьков газа в шампанском».

В глаза брызнул осязаемо *гладки* й свет!

Золотистая пелена разорвалась.

Арсений Васильевич оказался в туманно-сизой бездне с нечеткими образованиями в виде перистых облаков. Темно-фиолетовое небо над головой, в нем – множество крупных звезд: таким, наверное, видится земное Солнце с орбиты Юпитера. И бесконечная равнина на дне бездны.

«Назад! – снова вонзился в голову мысленный вопль Диспетчера. – Ты собьешь настройку! Твое появление нарушает баланс энергий! Немедленно вернись в поле коррекции!»

Арсений Васильевич снова не ответил, как зачарованный наблюдая за открывшейся ему картиной чужой Вселенной. Не очень уж она и отличалась от той, в которой он родился и рос. Те же звезды, то же небо, воздух, облака... Разве что «планета» под ногами не круглой формы, а в виде плоскости, и жизнь на ней больше напоминает процесс изменения разноцветных массивов пены и струйных конструкций, плавно трансформирующихся в невероятной красоты фрактальные образования.

Арсений Васильевич шевельнул «скальпелем» воли, отсекая одну из сияющих шерстинок в поле коррекции (часть сознания продолжала работать в прежнем ритме), и тотчас же пейзаж внизу изменился. Гигантская «гора пены», очень симпатичная, гармонично вписанная в ландшафт, красивая, напоминающая растущий цветок, вдруг расплылась дымными струями, испарилась, исчезла. А на ее месте возникла зеленовато-коричневая опухоль, из которой вырос черный коготь и начал разваливать один за другим сверкающие перистые облака.

В поле коррекции этот процесс выглядел как рост черного «паука». Пришлось отсечь у этого «паука» пару лап, чтобы он не завладел инициативой и не нарушил создавшегося равновесия.

И сразу же этот удар воли Гольцова отразился на ландшафте под ногами, наблюдаемом визуально.

«Коготь» усох, уменьшился в размерах, потом и вовсе скрылся в струях сизого дыма. Его закрыли клочья «пены». В этом месте образовалась вихревая воронка – словно вершина смерча. И Арсений Васильевич вдруг с пронзительной ясностью осознал, что это – *войн* а! Он корректировал не жизнь *запредель* я, как ему представлялось, а войну!

«Кретин! Этот мир так живет! Уйди отсюда! Загубишь усилия всех внутренних операторов!»

Арсений Васильевич «отступил назад».

Чужой, кипящий энергией мир отдалился. Из него вырвался тоненький бледно-золотистый лучик – как вопль о помощи.

Чисто рефлекторно Арсений Васильевич подставил под лучик голову... и едва не потерял сознание от обрушившейся на сознание лавины информации! С трудом добрался до «рабочего места», свернул операционное поле и «выпал» в реальность квартиры. И уже здесь, в тишине и покое, окончательно уплыл в беспмятство.

СИТУАЦИЯ

Поговорку: «Если вы думаете, что курение не влияет на голос женщины, попробуйте стряхнуть пепел сигареты на ковер», – Максим вспомнил на другой день после возвращения из Улан-Удэ. Он спешил на работу и прошел в гостиную в ботинках, что было замечено и тотчас же сурово отчитано. Варвара была помешана на чистоте, отчего вечно шпыняла мужа за любую возникшую по его вине соринку.

Максим и сам в общем-то любил порядок и чистоту, часто убирал квартиру, протирал пыль, поэтому на отповедь жены отреагировал нормально: извинился, пообещал после работы почистить коврики, – а когда не помогло, вспыллил и хлопнул дверью. О чем тут же пожалел. Однако по всему было видно, что Варвара вознамерилась выставить его из квартиры, создавая невыносимые условия. Просто не пустить мужа домой, даже сменив дверь, она не могла, квартира принадлежала Разину и была оформлена на него. И все же замена двери являлась неопровержимым свидетельством ее намерений, и об этом стоило задуматься.

В Управлении первым Максима встретил Райхман:

– Привет, командир. Что такой хмурый?

Максим сжал зубы, сдерживая крепкое словцо, потом неожиданно для себя самого рассказал Штирлицу о своей семейной ситуации.

– Хреновые дела, – согласился Герман Людвигович. – Выгонит она тебя в конце концов, как пить дать, выгонит. Тем более что у нее явно есть на примете молодая замена.

– Я еще не старик.

– Тебе уже тридцать пять, а ей, по всей видимости, нужен мужик лет на пятнадцать моложе.

– Я сам уйду.

– А вот спешить не надо. Вдруг все образуется? Мне Кузьмич анекдот рассказал в тему, хочешь послушать?

– Валяй.

– Один мужик жалуется другу: «У меня было все: деньги, великолепный дом, дача, роскошная машина и красивая женщина, которая меня любила. А потом бац! – все исчезло». – «Что же случилось?» – «Жена все узнала».

Максим улыбнулся. Анекдот был с бородой, но вполне соответствовал реалиям жизни.

– Мои возможности поскромнее. Квартира на Шаболовке и тачка четырехлетней давности.

– Так заведи любовницу.

– Спасибо за совет. Я бы и не прочь, может быть, да воспитан по-другому, понимаешь ли. Считаю, что жить надо по любви.

Райхман фыркнул:

– Ты что же, до сих пор жену любишь?

Максим с удивлением посмотрел на капитана, потер лоб, покачал головой:

– Знаешь, а ведь я только недавно начал об этом задумываться. Может быть, ты прав, надо проанализировать ситуацию и решить, что делать дальше.

– Вот и займись на досуге. Кстати, а мы чем будем заниматься?

– Еще сам не знаю.

Максим открыл свой небольшой кабинетик, сел было за стол, но вынужден был сразу же идти к начальству: его вызвал Пищелко.

Начальник Отдела встретил его хмурым взглядом.

Полковник Валерий Францевич Пищелко был высок, но фигура его давно потеряла стройность, и в профиль он выглядел как человек, проглотивший бочонок пива. Брился он не

каждый день, изредка заводил бородку и усы, хотя выражение лица полковника от этого не менялось: он вечно был всем недоволен.

Кабинет начальника Отдела почти не отличался от рабочего места Максима, разве что был вдвое больше.

Такой же стол, стулья, шкаф, сейф, компьютер, портрет президента на стене за спиной. Единственной оригинальной вещью в этом кабинете был аппарат для ароматерапии: круглая подставка синего цвета, на ней свеча и металлическая стойка с кольцом, поддерживающая чашу из синего стекла с ароматическим веществом.

Максим принялся: пахло смолой сандалового дерева.

– Садись, майор, – буркнул полковник. – Еле уговорил генерала не наказывать тебя и твоих людей.

– За что? – не понял Максим.

– Надо было выполнять приказ – захватить монаха и доставить его в Москву. Ну да ладно, этим делом займется теперь группа Моргуна. Тебе же я подготовил другое задание. В Жуковском объявился один тип, надо за ним последить. Возможно, он «серый» экстрасенс. Если так, вам придется его брать. Все материалы получишь у Сорокина. К вечеру вы должны быть в Жуковском. И смотри у меня – чтоб на этот раз без проколов! Вопросы?

Максим обреченно подумал, что у жены появится еще один повод закатить скандал, но вслух, естественно, об этом говорить не стал.

– Что натворил наш клиент?

– Пока ничего. Но задание спущено сверху, – Пищелко поднял глаза к потолку, – и обсуждению не подлежит.

– Понятно. Тогда вопросов больше нет. Разрешите выполнять?

– Иди.

Максим встал, сдвинул каблуки, бросил подбородок на грудь и вышел. В своем кабинете он несколько минут ознакомился с новостями по Управлению, листал почту, потом вызвал Райхмана и сообщил ему о сборе группы.

Через два часа группа в полном составе находилась у не приметного двухэтажного здания в районе метро «Выхино», где располагалась экспедиционно-хозяйственная служба Управления. Пищелко расщедрился и разрешил отправиться в Жуковский на микроавтобусе Отдела, что намного упрощало проблему доставки и слежки за объектом.

В пути Максим объяснил подчиненным задачу, которую им предстояло решать, и ворчливый Кузьмич не преминул поделиться своим мнением о задании и о том, что он думает о начальстве.

– Не получится ли так, что мы снова вытянем пустышку? – закончил он.

– Тебя это не должно волновать, – заметил в ответ Писатель. – Какая разница, зря или не зря мы настраиваемся на полную отдачу? Послали – делай дело и не ломай голову, чем оно закончится.

– Хотелось бы настоящего дела, а не байды с наблюдением за человеком, которого кто-то подозревает в принадлежности к «серым магам».

– Кто знает, чем это все закончится, – философски проворчал Штирлиц.

Иван-Доржо Итигилов по обыкновению промолчал. Он не любил пустопорожней болтовни.

В Жуковский приехали засветло, к четырем часам дня, расположились в гостинице «Спасатель», принадлежащей местному подразделению МЧС. Максим вывел на дисплей ноутбука данные об объекте наблюдения, и группа в течение получаса изучала личное дело Арсения Васильевича Гольцова, пятидесяти пяти лет от роду, вдовца, отца двух детей, заведующего лабораторией в Институте летно-испытательной аппаратуры.

– Вопросы? – осведомился Максим после окончания инструктажа.

– Я так и не понял, чего мы к нему прицепились, – заявил Кузьмич. – Вполне нормальный мужик, ни в чем предосудительном не замечен.

– Начальству виднее, – пожал плечами Писатель.

– Ну, а ты что думаешь, Иван Дрожжевич?

Шаман пососал мундштук трубки, не закуривая; курил он обычно такой едкий табак, что сослуживцы не выдерживали «газовой атаки», поэтому в их присутствии Итигилов давно уже не дымил.

– Странный человек, однако.

– Почему?

– Чувствую.

Кузьмич хмыкнул, посмотрел на Максима:

– Предлагаю найти этого мужичка и просканировать нашим «Беркутом». Сразу будет понятно, сенс он или не сенс.

– Сканер не всегда дает объективную оценку. Приказано наблюдать – будем наблюдать.

– Да я, собственно, не возражаю.

– Тогда начинаем, – прекратил разговоры Максим. – Поскольку мы не знаем возможностей клиента, работать будем с максимальной осторожностью, чтобы он нас не засек. Цепляем рации, экипируемся и вперед. Порядок следования обычный. Микроавтобус поведет Кузьмич.

– Я бы хотел...

– Отставить пререкания! Полчаса на сборы. Отсчет пошел.

Через двадцать минут группа подъехала к Институту летно-испытательной аппаратуры и заняла позицию.

* * *

Ничего особенно примечательного или демонического в облике Арсения Васильевича Гольцова не обнаружилось.

Чуть выше среднего роста, строен, хорошо сложен, по-спортивному подтянут, выглядит молодо, несмотря на залысины. Глаза карие, волосы темные, с проседью, губы крупноватые, но твердые, подбородок упрямый. Как заметил Шаман, такие мужики должны нравиться женщинам.

С этим замечанием согласились все. Было в лице, да и во всей фигуре Гольцова, нечто такое, что называется двумя словами: мужское обаяние. Мужик был явно умен, интеллигентен, умел одеваться и следил за собой. Да и выглядел действительно очень молодо, лет на сорок, но никак не на пятьдесят пять.

«Беркут», включенный Максимом при первом же появлении объекта, не сработал. Точнее, показал уровень энергетики Гольцова лишь на несколько процентов выше, чем у рядовых граждан. Примерно такие же данные он выдавал и потом, на следующий день, когда группа вела Гольцова в институт и обратно. Однако Шаман не спешил давать свою оценку биоэнергетики Арсения Васильевича, лишь заметил, что завлаб ИЛИА непростой человек и внутри его дремлет некая непонятная сила, которую трудно выявить с помощью приборов.

– Это и есть твоя официальная точка зрения? – поинтересовался Максим.

– Это мое внутреннее ощущение, – сухо ответил Иван-Доржо. – Но я могу и ошибаться. Тем не менее он не ошибся.

Вечером двадцатого января, когда Гольцов благополучно добрался с работы домой, «Беркут» внезапно зафиксировал вспышку торсионного излучения. Впечатление было такое, что Арсений Васильевич на несколько минут включил генератор пси-поля, уровень которого превысил среднестатистический фон на три порядка!

– Ни хрена себе! – изумился Штирлиц, очередь которого была носить сканер. – Он что, взорвался?!

Максим тоже удивился, но не столь эмоционально, так как доверял Шаману и ждал каких-то событий. Как оказалось – не напрасно.

– Кузьмич, что у тебя? – вызвал он по рации старшего лейтенанта.

– Клиент сидит в гостиной, в кресле, – отозвался Бурков, – и, по-моему, смотрит телевизор. Или спит.

Для полноценного наблюдения за объектом группа рассредоточилась.

Максим и Райхман гуляли вокруг дома, невзирая на мороз.

Шаман сидел в кафе неподалеку. Ему не нужен был визуальный контакт с поднадзорным, он следил за ним в «психоэнергетическом поле».

Бурков-Кузьмич расположился в доме напротив и наблюдал за окнами квартиры Гольцова в бинокль, соединенный с лазерным звукосчитывателем.

Писатель временно отдыхал, сидя с Шаманом в том же кафе и потягивая тоник. Он любил поговорить о смысле жизни, знал много анекдотов и веселых историй, и с ним было интересно. Правда, Шаман на его высказывания не реагировал, зато никогда не прерывал, что, естественно, нравилось всем, кто хотел поговорить.

– Шаман, – позвал Максим, – ты что-нибудь «видишь»?

– Солнце, – ответил Итигилов.

Штирлиц хихикнул, он слышал то же самое, что и все члены группы, соединенные радиосвязью.

– Иван Дрожжевич, ты что там пьешь?

– Не засоряйте эфир, – сердито приказал Максим. – Шаман, сканер высветил сто сорок эниобел, такого я еще не встречал! Выходит, наш клиент и в самом деле экстрасенс?

– Не знаю, – после паузы сказал Иван-Доржо. – Я чувствую очень мощный источник пси-поля, но не могу определить его природу.

– Что это значит?

– Источник связан с кем-то или с чем-то, что расположено не на Земле.

– А где, в космосе, что ли?

– Не знаю. Где-то *глубок* о. Точнее сказать не могу.

Максим хмыкнул, посмотрел на Райхмана, выдыхающего облачка пара.

– Интересный компот получается. Кузьмич, что у тебя?

– Объект зашевелился, чешет репу... встает, пошатываясь, будто принял сто грамм... идет к двери... не вижу ничего... опа!

– Что там?!

– Ну, дает старик!

– Конкретней, черт тебя возьми! К тому же он не старик, да и выглядит – дай бог каждому в его возрасте.

– Все равно ему далеко за полтинник. Ух, и хороша!

– Ты о ком?

– К нему девица-красавица заявила. Целует его в щечку... снимает жакет... идет... жаль, не в спальню... собираются кофе пить.

– Я понял, – сказал Штирлиц. – Это его дочь.

– Да брось ты, он живой человек... хотя... – Кузьмич помолчал. – Может быть, ты и прав. Парень явно относится к ней по-отцовски. Но она действительно чертовски хороша!

– Я могу сменить Кузьмича, – донесся голос Писателя. – Хочется поглядеть на дочку клиента.

– Ей тридцать лет, – напомнил Штирлиц осуждающим тоном. – Она замужем, и у нее ребенок.

– Какое это имеет значение?

– Тихо! – стальным голосом оборвал подчиненных Максим. – Продолжать наблюдение! Разговоры прекратились.

Максим и Райхман снова двинулись вдоль дома, плотнее запахивая куртки и опустив на уши клапаны шапок.

– Вообще не понимаю, что мы тут делаем, – вполголоса заметил Штирлиц через некоторое время.

Максим не ответил. Он думал о том же. Связь объекта с криминальным миром не подтвердилась. Гольцов редко выходил из дома, в основном пропадая на работе и встречаясь только с соседом по лестничной площадке, отставным полковником, как удалось выяснить. А его деятельность в качестве экстрасенса еще требовала подтверждения, как и фиксация сканером вспышки торсионного излучения. Вполне могло быть, что Арсений Васильевич не имел к ней никакого отношения.

Впрочем, в последнем Максим сомневался. Высокое начальство не послало бы его в Жуковский следить за простым человеком, не имея на то оснований. Сработавший «Беркут» весомо подтверждал подозрения, а также известную поговорку: дыма без огня не бывает.

– Зайдем в подъезд, погреемся? – предложил Райхман.

Максим посмотрел на часы: шел девятый час вечера, можно было бы и свернуть наблюдение, так как объект не менял распорядка жизни и вечером никуда не выходил. Но это было бы безответственно.

– Зайдем.

В подъезде было теплее, а главное – отсутствовал ветер.

Максим достал из сумки на плече небольшой термос, налил в колпачок горячего чая, выпил, предложил спутнику.

– Хорошо пошло! – кивнул Райхман, возвращая колпачок.

– Шаман варил, с травами.

– Ваня Дрожжевич знает толк в добавках.

– Внимание! – раздался в наушнике голос Кузьмича. – Девица собирается уходить, надевает пальтецо.

Максим и Райхман переглянулись.

– Уползаем отсюда?

– Сделаем вид, что мы соседи, возвращаемся домой. Или идем в гости.

Где-то вверху хлопнула дверь, по лестнице застучали каблучки. Появилась девушка, застегивающая на ходу модное пальто-траукар золотистого цвета. Она сбежала вниз, покосилась на пропустивших ее мужчин, и у Максима екнуло сердце.

Девушка была очень мила!

Высокая, стройная, длинные ноги в сапожках на высоком каблуке, нежный овал лица, большие зеленые глаза, пухлые губы, роскошные пушистые волосы по плечи. И во всей фигуре некий подсознательный п р и з ы в, теплый шарм, вызывающий влечение, уверенность женщины, знающей себе цену и не скрывающей своей сексуальности.

Бухнула входная дверь.

Незнакомка исчезла.

Райхман шумно выдохнул:

– Ну и ну! Прав был Кузьмич. В такую не грех и влюбиться!

Максим опомнился, сбежал вниз, распахнул дверь.

Девушка торопливо шла по тротуару к соседнему дому, зашла в булочную.

– Ты что, командир? – появился озадаченный Штирлиц. – С дерева упал?

Максим не ответил. Он и сам не понял, почему отреагировал на дочь Гольцова таким образом. Но ничего не мог с собой поделать. Захотелось догнать незнакомку и предложить

горячего чая. Немедленно! Потому что такие случаи не даются дважды, в этом майор не сомневался ни на йоту.

– Ее зовут Марина, – на всякий случай сказал Штирлиц безразличным тоном. – У нее дочь Стеша, десять лет. Редкое имя, между прочим.

Девушка вышла из булочной, держа в руке пакет. А вслед за ней выскочили двое парней в спортивных курточках и вязаных шапочках. Они догнали дочь Гольцова, преградили ей дорогу, размахивая руками. Она попыталась обойти их, но высокий парень в черных кожаных штанах схватил ее за руку, жестикулируя, показывая куда-то в сторону дороги. Там ожила стоявшая у тротуара грязно-белая «Лада-112», медленно двинулась вперед.

– Чего они от нее хотят? – процедил сквозь зубы Райхман.

Максим быстро направился к парням, буквально тащившим девушку к машине. Она отчаянно сопротивлялась, выронив пакет с покупками, но на помощь не звала.

– Эй, орлы, – окликнул наглецов Разин, – развлекаетесь?

Парни остановились.

Девушка, воспользовавшись моментом, вырвала руку и наотмашь ударила высокого, процарапав ему щеку ногтями. Тот схватился за лицо.

– Вот сука! Глаз чуть не выбила! – Он в ярости замахнулся, но ударить девушку не успел.

Максим перехватил его руку, жестоким приемом сломал кисть, отшвырнул парня прямо на подъехавший автомобиль. Высокий взвыл, ударился головой о дверцу «Лады», свалился на тротуар.

Его напарник, пониже ростом, но поплотнее, небритый, с шарфом, обмотанным вокруг шеи, выхватил нож, пошел на Максима.

– Урою, падла!

Максим дождался выпада, перехватил руку и, круто развернувшись, сломал ему руку в локте. Парень с воплем рухнул на гору снега, затих.

Из белой «Лады» выглянул было водитель, но, увидев результат схватки, быстро сел обратно, рванул с места и укатил.

Максим подобрал пакет, подал девушке, ошеломленной таким поворотом событий, переводящей глаза с лежащих обидчиков на Разина и обратно.

– Спасибо... кажется, я вас видела на лестнице... У меня отец живет в этом доме. Вы тоже здесь живете?

– Нет, мы шли в гости. Разрешите, мы вас проводим?

Девушка посмотрела на стонущих, облепленных снегом парней, передернула плечами:

– Да, конечно.

Все трое направились к дому Гольцова.

– Как вас зовут? – спросил Максим, зная ответ.

– Марина.

– Меня Максим, моего приятеля Герман. Говорите, ваш отец здесь живет? На каком этаже? Мы многих знаем.

– На третьем, Арсений Васильевич.

– Похоже, мы его встречали, высокий, спортивно выглядит.

Девушка кивнула, думая о своем.

Вошли в подъезд, поднялись на третий этаж.

– Благодарю вас, мне сюда. Может быть, зайдете? Отец будет рад.

Мужчины переглянулись.

– В другой раз, – с сожалением сказал Максим; ему очень хотелось продолжить знакомство, да и случай представился неплохой, но служба в данный момент запрещала самостоятельность. – Не дадите телефон?

Марина с сомнением посмотрела на майора:

- Я живу в Москве.
- Надо же, какое совпадение, и я живу в Москве, на Шаболовке.
- Хорошо, запишите мобильный.
- Я запомню.

Она продиктовала номер, кивнула и исчезла за дверью.

Штирлиц, долго сдерживающийся, шумно выдохнул:

- Ну, ты даешь, командир!

Максим пососал костяшки пальцев на правой руке, начал спускаться вниз. Бросил через плечо:

- Пошли.

Они спустились на первый этаж, остановились у батареи под почтовыми ящиками.

- Что на тебя нашло? Ты же их бил в полную силу!

Максим помолчал, удерживая в памяти красноречивый взгляд дочери Гольцова.

- Не знаю... но таких отморозков мочить надо!

Райхман с интересом посмотрел на посуровевшее лицо майора, хотел пошутить, но передумал.

- Что будем делать?

- Ничего... работать.

- А девица и в самом деле хороша. Даже обидно, что она дочь клиента.

- Почему?

- А вдруг он плохой человек?

Максим покачал головой:

- Такая девушка не может быть дочерью плохого человека.

Райхман ухмыльнулся:

- Эх тебя контузило, командир. Уж не влюбился ли?

Максим промолчал.

- Помощь не нужна? – прилетел по рации голос Кузьмича.

- Нет.

- Как ведет себя клиент? – поинтересовался капитан, искоса глянув на Разина.

- Слушает, как дочь рассказывает о подвигах командира.

Максим порозовел, сдвинул брови:

- Отставить базар!

- Я правду говорю. Она описывает, какой ты сильный и решительный, не чета ее мужу.

- Кончай базар, я сказал! Гена, замени Кузьмича.

- Слушаюсь.

- Продолжать работать!

В эфире стало тихо.

– Погуляем? – кротко предложил Штирлиц, догадываясь, что творится в душе командира.

Вышли на улицу.

Мороз немного ослабел, небо затянули тучи, предвещая снегопад.

Окна пятиэтажки гасли одно за другим. Лишь окна на третьем этаже, принадлежащие квартире Гольцова, продолжали бросать снопы света на заснеженный двор.

Максим представил, как Марина с ногами забирается в кресло, и ему страстно захотелось в тепло и уют.

ПРОРЫВ

Внизу раздавались женские голоса, восклицания, порой смех, но Арсик этого не слышал: он в настоящее время жил в другом мире, где люди строили ракеты и покоряли космос. Одновременно он находился у себя дома, на лежаке печки, от кирпичей которой исходило уютное расслабляющее тепло. Арсик лежал на печке и читал фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды».

Голоса же принадлежали слушателям, точнее, слушательницам: мама вслух читала книгу о подвигах разведчиков на войне, а вокруг нее собралось несколько женщин: бабушка, родная тетя Арсика Ксения, еще одна тетя – Валя, сестра мамы, и соседки – тетя Катя и баба Фруза. На столе горела керосиновая лампа, по углам небольшой кухоньки бродили тени, атмосфера в доме дышала таинственностью, в ней странным образом уживалось и прошлое, и настоящее, и всем было хорошо, несмотря на разные переживания. Хотя Арсику было лучше всех: он жил в будущем...

Очнулся от голоса мамы:

– Пора спать, фантазер. Утром не встанешь в школу.

– Встану. – Арсик с трудом оторвался от страницы, чувствуя, как слипаются веки. – Так интересно!

– Завтра дочитаешь.

Он отложил книгу, с трудом слез с натертой до блеска лежанки, по холодным половикам босиком добрался до кровати, разделся и рухнул в благоухающую чистотой и прохладой кровать...

Ночью вдруг проснулся, не понимая, где он и что с ним.

В уши настойчиво лез густой струнный звон. По комнате бродили тени от веток яблонь в саду, освещенных уличным фонарем. Везде белым-бело, на окнах кое-где лед. А звон издавали телеграфные столбы на улице и провода, предупреждая, что за стенами избы сильный мороз.

Арсик какое-то время таращился в окно, полусонный, силясь понять, что его разбудило, потом снова уснул. И снились ему звезды и ракеты, затерявшиеся в черной бездне космоса...

Арсений Васильевич посмотрел на часы: половина седьмого, пора вставать. Однако он полежал еще немного, успокаивая сердце, возбужденное воспоминанием детства. Затем тихо встал, чтобы не разбудить дочь, умылся, побрился, приготовил яичницу и кофе.

На кухне появилась заспанная Марина, чмокнула отца в щеку:

– Доброе утро.

– Садись завтракать.

– Почисти зубы только. Спасибо, пап.

Марина скрылась в ванной, через пять минут вернулась на кухню, быстро проглотила завтрак, побежала переодеваться и приводить себя в порядок, на что потребовалось гораздо больше времени.

– Как я выгляжу?

Сидящий в кресле Арсений Васильевич улыбнулся, поднял большой палец:

– Ты очень похожа на маму.

– У мамы были русые волосы, а у меня темные.

– Не имеет значения. Что это за жакет на тебе?

– Казакин.

– Тебе идет. Хоть сейчас на подиум.

– Спасибо. А вот ты выглядишь неважнецки. Тебе жена нужна, чтобы ухаживала за тобой и создавала уют.

Арсений Васильевич качнул головой:

- Такой, как твоя мама, больше нет. С годами понимаешь это все отчетливей.
- С годами все желанней очертанья Того, чем никогда не обладал.
- Что?

– Это стихи одного моего знакомого поэта. Иногда ему удаются замечательные строки. Не кукусь, папуль, может быть, еще встретишь умную и добрую женщину, влюбишься и будешь счастлив.

Он снова покачал головой, вспоминая свою первую встречу с Милославой.

Арсений тогда заканчивал второй курс института и ехал в троллейбусе с площади Островского в общежитие. На одной из остановок в троллейбус вбежали две девушки, встали рядом, держась за поручень, а у Арсения случился сердечный приступ. Именно так можно было назвать его состояние, когда он глянул на одну из девушек и встретился с ней глазами.

Серо-зеленые светящиеся очи (именно очи, а не глаза), густые ресницы, красивый излом бровей, тонкий прямой носик, изумительного рисунка губы и невероятной, немыслимой красоты улыбка, улыбка феи, полная тепла и восторженного отношения к жизни.

Он так и ехал потом, забыв обо всем на свете, проехал свою остановку, не сводя глаз с незнакомки, посматривающей на него лукаво и заинтересованно. А потом девушки вышли, он опомнился, бросился было за ними, но было уже поздно, троллейбус тронулся с места. Сумасшедшей красоты девчонка исчезла как видение, как мираж, дарующий путнику в пустыне надежду на глоток воды, продляющий жизнь.

Лишь спустя пять месяцев Арсений вновь встретил эту девушку – на вечере в институте, посвященном слету студенческих строительных отрядов. Он не собирался на него идти, хотя сам ездил в составе одного из отрядов на Алтай, под Бийск, строить птицефабрику. После тренировки сборной института по волейболу Арсений заявился в актовое зал на втором этаже чисто ради любопытства, как был – в стареньком зеленом свитере, в немодных штанах, со спортивной сумкой через плечо, и в фойе зала, в окружении однокурсников и парней постарше увидел Ее!

Милослава сидела на стуле у стены, сложив руки на коленях. На ней было блестящее «малахитовое» платье с красной лентой, обтягивающее фигуру, и она была невероятно, потрясающе красива!

У него перехватило дыхание! Сердце оборвалось!

Никого не видя и не слыша, он приблизился к ней, растолкал парней, присел перед ней на корточки. Его окликали, хлопали по плечу, шутили, но он в данный момент жил в пространстве ее взгляда и никого не замечал.

- Меня зовут Арсений, а вас?
- Мила, – ответила она, покраснев. – Милослава...
- Я видел вас весной...
- Я помню.
- Подождете меня? Я сбегая переоденусь.
- Да...

Он встретил ее прямой взгляд и словно умылся чистой родниковой водой. Глаза Милославы говорили, что она подождет.

В общежитие он мчался как на крыльях. Вернулся через пятнадцать минут, надев костюм приятеля, с которым жил в одной комнате. Собственного «парадно-выходного» костюма у него тогда не было. Его пытались остановить друзья одного из известных на весь институт ловеласов, красавчика Миши Васина, который уже «подбивал клинья» к Милославе (она попала на вечер не случайно, так как в составе одного из студенческих строительных отрядов работала фельдшером, учась в Рязанском мединституте), однако Арсений умело обошел конфликты, выбрал подходящий момент и пригласил Милу танцевать. И уже больше не отходил от нее.

В декабре они поженились...

– Ты куда-то ушел, – пронизательно прищурилась дочь. – Маму вспомнил?

Арсений Васильевич кивнул, провел ладонью по лицу, сглотнул горький комок. Душа ворочалась, плакала и звала любимую, мешала думать и разговаривать.

Марина подошла к нему, прижала голову к груди, погладила по волосам:

– Бедный ты мой папочка... я тебя понимаю. А вот мне не везет. Вадик меня так не любит, как ты маму любил. Он вообще никого не любит, кроме себя.

– Зато красиво говорить умеет, – проворчал Арсений Васильевич. – Гений непризнанный, да и только! Ты извини, девочка, но не уважаю я твоего мужа. Все разговоры в его семье – о том, какой он умный и гениальный. А чего он добился в жизни, чего достиг? Уже десять лет в Москве – и пшик! Как был редактором в низкопробной газетенке, так и остался. Тебе бы такого, как этот Максим, который отбил тебя у хулиганов. Надо же, так повезло! Никогда у нас такого не случалось.

Марина села рядом, улыбнулась:

– Да, Максим мужчина решительный, сильный. – Она снова улыбнулась. – И симпатичный. Я ему телефон свой дала. Сама не знаю, зачем. Скорее всего растерялась.

– Если ты ему понравилась, он позвонит. Бросай своего рыжего красавца, он полный ноль в семейной жизни, и уходи к этому Максиму.

Марина засмеялась:

– Как у тебя все легко получается – уходи. У меня дочь есть, ей без отца плохо придется. А настоящие отцы на улицах не валяются.

– Ничего, проживешь как-нибудь, я помогать буду. Твой Вадик все равно не занимается дочерью. Утром спит до двенадцати, вечером приходит после двенадцати, когда она уже давно спит. Родитель хренов! – Арсений Васильевич фыркнул. – По два часа в туалете сидит! Это как понимать?!

– Что ты к нему прицепился? Ну он такой, какой есть, что теперь? Давай о другом поговорим. Не хочешь с нами на весенние каникулы на море отдохнуть?

– Почему бы и нет? Где именно?

– Стеша просится на Кипр, ей там нравится, но я хочу на Крит, в Грецию. Мы там еще не были. Мои приятели рекомендуют деревушку Херсонесес, недалеко от лабиринта Минотавра.

– Лабиринт мне ни к чему, а вот попить местного винца я не против.

– Знаю я, какой ты любитель винца. В прошлый раз одну бутылку за весь десятидневный срок осилить не смог.

– Это же не шампанское, – пожал плечами Арсений Васильевич.

– Ты и шампанское так же пьешь. Итак, решено?

– Если с вами поедет твой благоверный, мне на Крите делать нечего.

– У него сдача какого-то проекта, мы уже обсуждали, он останется дома.

– Тогда согласен. Слушай, ты можешь объяснить, что тебе в нем нравится?

Марина сделалась грустной:

– Я сама давно задаю себе этот вопрос.

– Обычно современным женщинам в мужчинах нравятся вторичные половые признаки: дача, машина, зарплата. У него даже этого нет.

Дочь улыбнулась:

– Ты же знаешь, я из другой породы. И чем дальше, тем больше мне нравятся мужики умные и сильные. А Вадим... он действительно умеет красиво и авторитетно говорить, чем меня и взял. И больше ничего! И хватит! – Она хлопнула ладонями по подлокотникам кресла, встала. – Мне пора. Еще к зубному надо успеть, потом за дочкой в школу.

Поднялся и Арсений Васильевич:

– Надеюсь, ты не ради выпендрежа идешь к зубному?

– Что ты имеешь в виду?

– Я читал интервью одного врача-стоматолога по поводу искусственной корректировки зубов для «суперкрасоты». Сейчас модно удалять коренные зубы ради «утонченной впалости щек» или встраивать в зубы бриллианты.

– Я слышала. Многие наши шоу-звезды так делают.

– Так вот, это опасно для здоровья. После удаления зубов всегда возникает атрофия костной ткани, в результате нарушается жевательная функция и, как следствие, страдает весь пищеварительный тракт. А внедрение бриллиантов и золотых инкрустаций не только портит эмаль, но и вовсе ведет к скорой потере зуба.

Марина засмеялась:

– Спасибо за заботу о моих зубах, пап. Я не собираюсь внедрять в них бриллианты, просто хочу подлечить десны.

Арсений Васильевич сдержал тоскливый вздох. Улыбка дочери чрезвычайно походила на улыбку жены, даже не по себе становилось.

– Когда появишься в следующий раз?

– Скорее всего весной, папуль, вместе со Стешей. Она тоже хочет тебя увидеть, соскучилась по деду, но раньше я вряд ли выберусь.

– Буду ждать. Давай я тебя провожу.

– Утро уже, светло, вряд ли кто осмелится пристать.

– Мне все равно на работу идти.

Арсений Васильевич быстро собрался, и они спустились во двор. Марина поцеловала отца в щеку, села в свой серебристый «Рено Меган», помахала рукой:

– Буду звонить.

Арсений Васильевич помахал в ответ.

Машина выехала со двора, исчезла за углом дома. На душе снова сделалось тоскливо. Несмотря на привязанность дочери, он ощущал себя одиноким. Настроения не прибавило даже предложение слетать на море. Если бы не внучка, категорически отказывающаяся отдыхать без деда, он бы не полетел. А ради этого растущего доброго человечка стоило идти наперекор своим желаниям.

Выглянуло солнце. Вокруг сразу все засверкало, заискрилось. Белизна снега была такая, что слепило глаза. Мороз на улице держался приличный, однако Арсений Васильевич не стал брать машину, решил взбодриться, пройтись до института пешком.

Его узнавали соседи, сослуживцы, здоровались, он кивал в ответ, а сам думал о детях, о своей жизни, о работе, смысл которой давно был потерян. Сверкание снега отвлекало, что-то происходило с глазами, уличный пейзаж начал расплываться, искажаться, сквозь него в сознание начали прорываться странные видения, чужие миру и собственным ощущениям.

Арсений Васильевич замедлил шаг, потер кулаками глаза.

Зрение восстановилось, однако почему-то проезжавшие мимо автомобили стали казаться некими сосудами, наполненными чужим пространством и временем.

– Вам плохо? – участливо спросила проходившая мимо пожилая женщина.

– Нет, все нормально, – очнулся он, пошел быстрее и вдруг вспомнил свои последние «полеты в запределье». То, что с ним творилось, скорее всего было вызвано прорывом информации *запределья* я в сознание. Этой ночью он часто просыпался от необычных ощущений – казалось, сквозь голову течет бесплотная река, несущая как щепки обрывки непонятных воспоминаний. И это тоже говорило о каком-то психофизическом процессе, процессе *просачивания* я криптогнозы из подсознания, где осела «запредельная» информация, в сознание.

В своем кабинете он привычно запустил компьютер, провел короткое совещание с сотрудниками, сел за стол, но в работу углубляться не стал. Расслабился, закрыл глаза и попытался вспомнить конкретные явления, сопровождавшие его во время путешествий в иную

метавселенную, где он поддерживал равновесие «положительных и отрицательных потенциалов» жизни. Иначе говоря – равновесие «добра» и «зла».

Сначала в голове мелькали неясные картины визуального контакта с «плоским миром», обрывки бесед с Диспетчером, мозаика нечетких образов, текучие массивы переходящих друг в друга фигур и форм. Затем тусклое шипение и потрескивание эфирного фона сменилось прозрачными всплесками трудно уловимых мелодий, а перед мысленным взором возникла странная картина.

В сияющем жемчужном тумане, скрывающем ландшафт, скакал удивительный всадник. Сам он был четырехрукий и двуногий, закованный в блистающие алые доспехи. Конь же под ним больше походил на гигантского медведя, также одетый в броню или, скорее, в алого цвета кольчугу.

Навстречу ему вывернулся из тумана другой всадник. У него наличествовали две руки и две ноги, зато и головы было две. Доспехи же на нем сияли лунным серебром, а конь напоминал страуса с мощными лапами динозавра.

И оба они вовсе не вызывали у Арсения Васильевича отвращения, оба являли собой образцы *ино* й гармонии, *ино* й физики и биологии, оба отражали законы и опыт и н о й эволюции, по-своему красивой, экспрессивной и динамичной.

Всадники сшиблись!

Сверкнули мечи, не похожие на обычные мечи. Впрочем, оружие всадников нельзя было отнести ни к какому виду холодного оружия, известного на Земле. Сравнить их можно было разве что с непрерывно меняющей форму молнией.

Удар, вспышка света!

В глаза вонзилась яркая извилистая лента неведомого разряда, и Арсений Васильевич «полетел» в эйфорическое пространство непередаваемых ощущений и образов, каждый из которых отражал жизнь целого вида разумных созданий, не поддающихся никакому словесному описанию.

Чувствуя, что начинает захлебываться в потоке чужеродной информации, усилием воли он остановил схватку всадников, заставил их разъехаться и взамен получил некое пространство *поко* я, на короткое время приобретшее четкую гармоничную сетчато-кристаллическую структуру. Впечатление было такое, будто из кипящего раствора солей *выта* л, точнее, выкристаллизовался удивительной красоты и огранки призрачно-паутинный «бриллиант»! Этот псевдокристалл вобрал в себя голову Арсения Васильевича, раскрылся бесшумным световым фонтаном, и Гольцов на мгновение обрел возможность видеть невидимое и слышать неслышимое.

Иная Вселенная развернулась внутри человека, полная движения, экспрессии, жизни, боли и жажды победить! В этой Вселенной и в самом деле шла война, остановить которую мог только *высши* й оператор, оператор иного уровня, нежели тот, кого представлял собой Арсений Васильевич. То есть Творец! Однако Его в данной Вселенной не было. Ушел. Куда? Этого экзоператор Гольцов знать не мог.

Последняя мысль отозвалась взлетом печали. После нее наступила темнота и тишина.

Очнулся он спустя несколько минут, судя по циферблату наручных часов. И вдруг понял, что *помни* т свое незапланированное «внутрипсихическое» путешествие! Не все, обрывками, но помнит! Ему удалось-таки перенести часть криптоинформации, засевавшей в глубинах неосознанной психики, в сферу сознания!

Арсений Васильевич прищурился, разглядывая монитор компьютера, и вдруг отчетливо увидел его внутреннее строение!

Сначала не поверил глазам, принимая увиденное за одну из картин *запредель* я. Потом пришло ощущение «рентгеновского просвечивания», причем рентгеновским аппаратом был он сам!

Арсений Васильевич зажмурился... и увидел свой кабинет сквозь веки!

Вот тут он перепугался по-настоящему!

Начал тереть глаза кулаками, прижимать к ним ладони, вспотел, собрался было вызвать Юревича – пожаловаться и посоветоваться, что делать дальше, и с облегчением перевел дух: явление «рентгена» прошло.

Но и после этого он долго не мог прийти в себя и приступить к работе. Лишь после обеда воле удалось собрать остатки ума, и Арсений Васильевич принялся анализировать свои открытия и собственное состояние, стараясь при этом не заходить за границу измененного сознания. В конце концов он сделал не слишком радующий его вывод: ему действительно удалось выйти за пределы поля оперирования и понять смысл своей работы в иной метавселенной. Однако Арсений Васильевич абсолютно не представлял себе, что с этим знанием делать и как жить дальше. В чем он был уверен, так это в том, что т а к жить нельзя – не зная, почему он поддерживает равновесие чужого социума с помощью инициации войн и конфликтов и кому это выгодно.

СИСТЕМА

С Земли эта звездная Система не видна, так как находится по другую сторону от ядра Галактики, хотя и гораздо ближе к ядру, нежели Солнце с планетами. Если измерить расстояние до нее земными мерами длины, то оно равно двенадцати тысячам световых лет. Однако вследствие того, что пространство известной нам части Вселенной (так называемого метagalacticкого домена) отнюдь не «плоское», как считают астрофизики и космологи, то до Системы буквально «рукой подать» – если знать способы преодоления космических расстояний, не связанные с ракетными или иными полетами. Вакуум – совсем не абсолютная пустота, как думали ученые еще совсем недавно, это сверхтвердый кристалл, пропускающий сквозь себя свет и материальные тела. Мало того, он соединяет континуумы не трех измерений, а на два порядка больше, хотя большинство этих измерений свернуто в сверхмалые объемы или, как говорят физики, скомпактифицировано. Эти измерения можно разворачивать – опять же если знать методы развертки – и путешествовать по Вселенной с гораздо большей скоростью, чем скорость света. Практически мгновенно. Хотя мало кто из разумных созданий, населяющих Галактику, достиг соответствующего уровня. Но те, кто создал (вырастил, реализовал, раскрыл, построил) Систему, умели многое, в том числе и «высверливать» в вакууме тоннели мгновенного перемещения энергии, информации и материальных предметов. Поэтому для них не составляло труда посещать каждую цивилизацию Галактики и контактировать с носителями разума. Явно или тайно. Но они предпочитали контролировать жизнь Галактики – и миллионов других похожих звездных островов – иначе, с помощью внедрения в социумы своих резидентов и вселения в сознание существ психоматричных программ, заставляющих их делать то, что было нужно контролерам. При этом контролеры часто прибегали к вербовке помощников и агентов из числа аборигенов на местах, превращая их либо в операторов внутреннего контроля – интраоров, либо в операторов внешнего контроля – экзоров. Первые осознанно участвовали в процессе коррекции социумов или иных общих структур, объединяющих разумных носителей, вторые выполняли роль «серых кардиналов», изменяющих ситуативные планы на других планетах, а также на объектах равного порядка или гораздо более сложного характера. Чаще всего они делали это неосознанно, как ретрансляторы потоков энергий высших уровней, хотя сами могли бы стать такими же властителями миров, как их кукловоды. Однако осознавали это единицы из миллионов, и тогда Систему начинало лихорадить, так как ее правители боялись лишиться власти, которую они присвоили себе не по праву преемников Творца, а по праву восставшего раба, завладевшего могучим наследием богов.

Двадцать первого января по земному летоисчислению в одном из олимпов Системы (пирамид выработки решений) собрались иерархи галактического контроля. Их было шестеро: Вышний, Распорядитель, Диспетчеры первого, второго и третьего класса и Корректор-исполнитель. На людей эти существа походили мало, скорее – на колонии грибов, имеющие грубое сходство с человеческим телом. Впрочем, это и были колонии, но не грибов, а кораллов.

Беседа иерархов проходила в диапазоне излучений, которые люди Земли называют мысленными. Эмоции же, сопровождавшие речь каждого, земным языком передать было трудно, хотя их смысловое наполнение иногда приближалось к таким понятиям, как «презрение», «недовольство», «удовлетворение», «злоба», «равнодушие», и другим. Одна из тем беседы касалась положения Земли в Гиперсети Управления – как планеты, давшей много добровольных слуг Системе и воспитавшей целый вид существ, внешне абсолютно не отличимых от человека, которых условно можно было назвать «биороботами» и «демиург-рабами». В настоящее время именно они являлись тем резервом Системы, который позволял контролировать деятельность всего человечества, в том числе его *живым* отрядом или, как утверждали посвя-

ценные, *богородженным* и людьми, и выкачивать у них поистине бездны *тонко* й энергии, называемой самими иерархами гаввах, или иначе – энергии *творени* я.

Беседа завершилась конкретным обсуждением возникшей на Земле проблемы.

«Один из экзоров пробудился, – доложил высокому собранию Корректор-исполнитель. – Он самовольно перешел границу поля коррекции и овладел каналом прямой передачи гаввах, хотя и не полностью».

«Его возможности?» – осведомился Вышний.

«Он может обрести опыт непосредственного восприятия реальности без необходимого в таких случаях тренинга и без применения техник целостного восприятия вещей. То есть овладеть методом познания мира, стоящим вне пределов языка и мышления».

«Это может отразиться на подконтрольном объекте?»

«Может, – подтвердил Диспетчер-1; речь шла о Земле в целом. – К сожалению, не все управленческие структуры массового уровня объекта приняли наш принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Если экзор примкнет к тем, кто не исповедует этот принцип, он вызовет неуправляемый фазовый переход Программы Коррекции на уровень, который мы не сможем контролировать».

«В связи с чем надо срочно активизировать деятельность интраоров Земли с целью увеличения плотности административного поля, – добавил Диспетчер-2. – С тем, чтобы любое решение нарушало чьи-то интересы. Тогда те, кто нам сейчас мешает, а это так называемые славянские родовые и казачьи общины в России, увязнут в междоусобицах, потеряют драйв и займутся дележом территорий и власти».

«Ваши предложения?»

«Экзор еще слаб, – сказал Диспетчер-3, непосредственно отвечающий за контроль над Землей, – и мало что понимает в реальном положении вещей. А поскольку он нам еще нужен, так как он единственный, кто успешно справляется с ростом сложности управленческих задач на Карипазиме, кстати, не понимая этого, то я считаю, мы обойдемся минимальным воздействием».

«Конкретнее».

«Перекроем ему максфактор, гарантирующий канал пассионарного везения, хотя бы процентов на тридцать. Подобные ограничения весьма эффективны, так как против цепочек якобы случайных событий практически нет защиты. Это заставит экзора задуматься над последствиями своих самостоятельных поисков».

«А если ограничение не сработает?»

«Тогда мы пошлем к нему одного из интраоров Земли, чтобы он его вразумил».

«А если и этот способ нейтрализации не будет успешен?»

«В таком случае мы подселим к нему крейзи-файл, превратим в идиота. Какое-то время он и в этом состоянии будет нам полезен, пока мы будем искать ему замену».

«Хорошо. Ищите замену уже сейчас. Все свободны».

Совещание закончилось.

ИЗЛОМ

Домой Марина возвращалась в грустном настроении.

Во-первых, ей не нравилось состояние отца, слишком часто уходящего мыслями в прошлое и тоскующего по жене. Его было искренне жаль, потому что отец был человеком добрым, хотя и слегка безалаберным, и не привык жить в одиночестве.

Во-вторых, отец разбередил старые душевные раны, связанные с замужеством и теми проблемами, которые успешно создавал муж. Не решал – создавал! Он умел это делать, а главное – всегда находил крайнего, если не мог справиться самостоятельно. И все чаще в своих неудачах обвинял жену.

Наконец, в-третьих, встреча с незнакомым мужчиной по имени Максим заставила Марину по-новому взглянуть на свою зависимость от условностей и реальности жизни. Формально она была независима – во всяком случае в своих мыслях – от чего бы то ни было (кроме дочери), фактически же зависела от любых движений и законов общества, в том числе – от негативных явлений этого общества типа хулиганов, бандитов и коррумпированных чиновников. И защитить ее от всего этого муж не мог. Да и не хотел. Зато встретился человек, который вступился за нее и смог дать отпор бандитам, что бывает теперь крайне редко. Поэтому Марине очень хотелось встретиться с ним еще раз и просто пообщаться.

Хоть бы позвонил! – подумала она со вздохом в сотый раз.

Первой в гимназии ей встретилась Лидия Петровна, учительница истории, вечно растрепанная и куда-то спешащая. Окинула восхищенным взглядом.

– Ты просто прелесть, Мариночка! Мне бы твои годы! Слышала новость? Наш физкультурник Миша Селезень уезжает в Америку, будет преподавать в университете в Майами. Представляешь?

Марина улыбнулась:

– От кого-то я слышала, что американские университеты – это место, где российские евреи преподают математику китайцам.

– Ой, ты все время шутишь, – всплеснула руками Лидия Петровна, нервно поправила локон, – а я ему завидую. Будет хоть зарплату приличную получать. Кстати, Аглая набирает команду Мурзикиков на лето, не хочешь присоединиться?

Марина пожала плечами:

– Не знаю, до лета еще далеко.

Речь шла о необычной организации, возникшей в Москве несколько лет назад, но уже прославившей себя добрыми делами.

Несколько сот вполне взрослых и здоровых мужчин и женщин, называющих себя смешным прозвищем Мурзики, вдруг объединились под вполне утопическим лозунгом «отстаивать идеалы добра и справедливости». Под предводительством самых активных Мурзикиков и основателя движения столичного хирурга Германа Пятова эти люди выезжали на своих машинах (были они людьми не богатыми, но состоятельными) в глубинку России, преодолевали сотни километров к детским домам и школам-интернатам и помогали им приобретать все, в чем нуждались детишки, от одежды и обуви до лекарств, книг и даже компьютеров.

Директор гимназии Аглая Савельевна была активным участником движения и каждое лето создавала из учителей команду единомышленников, которые и присоединялись к походам Мурзикиков.

– Не знаю еще, – повторила Марина. – Муж не одобрит. Но я подумаю.

– Захочешь, я тебя запишу. Видела нашу Любочку-красавицу?

– Нет, а что? – встревожилась Марина.

– Она побывала в Голландии и сделала себе татуировку глаз!

- Шутишь? – недоверчиво прищурилась Марина.
- Нисколечки! Оказывается, вся «продвинутая» Европа сейчас осадила Голландию, чтобы сделать глазную тату! Операция стоит всего тысячу евро!
- Всего... но ведь это, наверное, рискованно?
- Не знаю, мне нравится.
- И как же выглядит татуировка?
- Увидишь. Принцип такой, Люба рассказала: в слизистую оболочку глаза внедряется тонкая проволочка из золота или платины и укладывается в виде узора. В общем, закачаешься!
- А исследования проводились – опасно это для здоровья или нет?
- Таких подробностей я не знаю.
- Вдруг опухоль какая-нибудь образуется или воспаление?
- Мы на эту тему не говорили. Ладно, я побежала, на урок пора.

Лидия Петровна упорхнула по коридору в свой класс.

Марина зашла в учительскую, подготовилась к следующему уроку, заглянула в пятый «В», где училась Стеша. В школу ее должен был проводить отец, и он это сделал. Дочь сидела за учебным столиком, сложив руки, и внимательно слушала учительницу: шел урок математики. Длинные волосы она собрала в пучок и скрепила любимой заколкой в форме бабочки.

Опять не заплела косу, вздохнула Марина. По утрам она всегда заплетала волосы дочери в косу, но стоило только переложить обязанности утреннего ухода на мужа, как Стеша тут же меняла причёску. Ей казалось, что так она выглядит взрослей.

Кто-то тронул Марину за плечо, она оглянулась.

– За дочкой подглядываешь? – улыбнулась Светлана Евгеньевна, классная руководительница Стеши; она преподавала русский язык и литературу. – Хорошая девочка растет, добрая и отзывчивая. На тебя очень похожа.

Светлана Евгеньевна проработала в школе (теперь – в гимназии) больше сорока лет, и ее все уважали за мягкий характер и неизменную доброжелательность.

Они пошли по коридору к лестнице и услышали громкие голоса. На лестничной площадке разговаривали трое старшеклассников, размахивая руками и толкаясь.

– Прикинь, этот ламер не дал мне поюзать свой плеер! – ткнул в грудь приятелю высокий тощий юноша с волосами до плеч. – Совсем офлайнел в натуре!

– Не флуди, – отмахнулся тот, низкорослый и толстый, – сам такой, на велике не дал попедалить.

– Оба вы прикинутые! – оценил ситуацию третий, самый модный, в кожаных штанах и кроссовках. – Бадло толкаете! Айда пофлюем в с...нике, у меня курево есть.

Все трое направились к туалету.

– О чем это они? – пролепетала Светлана Евгеньевна. – На каком языке они разговаривали?

– На сленге, – усмехнулась Марина. – Ребята, очевидно, имеют дома компьютеры и часто сидят в Интернете. Их лексика оттуда.

– Это не лексика, это кошмар! Ужас!

– Что поделаешь, время такое. Жаргон Сети еще не самое страшное, послушали бы вы молодежь на клубных вечеринках и на танцах! Нынешние мальчики и девочки *разговаривают* т матом, ничуть не стесняясь друг друга! Неужели вы этого никогда не слышали?

– Иногда... случайно... я не хожу на вечеринки... считала, что ненормативная лексика редкое явление. Мы так в молодости не говорили!

– Мы тоже. – Марина открыла дверь в учительскую, пропустила старую учительницу. – Но время изменилось. А мы нет. Хотя так, наверное, о молодежи думает каждое предыдущее поколение.

Зазвенел звонок с урока. В учительскую стали заходить учителя. Вбежала запыхавшаяся Лидия Петровна:

– Ой, вы видели?!

– Что?! – испугалась Светлана Евгеньевна.

– Над спортплощадкой птицы в шар собрались! Огромный, как аэростат! Потом разлетелись. Но шар все видели, он больше трех минут висел.

– Вороны?

– В том-то и дело, что птицы всех видов: воробьи, вороны, галки, еще какие-то пичуги, но больше всего воробьев. В общем, жуть как интересно! Новое явление, ученым надо сообщить.

– Может, они от холода собрались? Морозы-то нынче довольно сильные навалились, лютует зима.

– Все равно это необычно. Мариш, ты уже решила насчет Мурзиков?

– Не успела, на урок надо идти.

– Потом скажешь. Светлана Евгеньевна, вы очень клево выглядите! – Лидия Петровна убежала.

Марина и Светлана Евгеньевна переглянулись, Марина засмеялась:

– Вот вам и ответ. Если уж в речь учителя просачиваются жаргонизмы, то что говорить о наших детях?

– И все-таки это неправильно, – вздохнула старая учительница.

– Согласна, неправильно.

Зазвонил звонок на урок.

Учителя стали расходиться по классам. Пошла в свой класс и Марина, продолжая размышлять над поднятой темой. Она понимала, что в России разговорный язык формируется телевидением и Интернетом, что явно ведет к упрощению и «обрезанию» лексики. Не способствовали гармонизации языка и «реформы» Министерства культуры, ослабляющие грамматические нормы языка и усиливающие аналитизацию, то есть увеличивающие число предлогов. В речи людей, не только журналистов и инженеров, но и политиков, членов правительства и простых граждан, все чаще встречались лишние предлоги, что тоже уродовало язык и вело к его вырождению. Да и борьба с «лишними» буквами – «е», «и» краткое – делала свое дело. Однако выхода из создавшегося положения Марина, преподающая английский язык и знающая все его слабые стороны, не видела. Впрочем, ее больше занимали собственные переживания и личные проблемы.

Занятия закончились в два часа дня.

Марина забрала обрадованную ее появлением Стешу, и они поехали домой; жили Соколовы возле метро «Октябрьская», напротив Парка культуры. Все время в пути за ними сзади следовала серая иномарка «КИА Рио» с затемненными стеклами, но Марина не обратила на нее никакого внимания. У дома иномарка отстала и затерялась в потоке автомобилей, словно убедившись, что маршрут Мариной машины не изменился.

Дочь увлеченно рассказывала маме о своих школьных делах, удивлялась мальчишкам, увлеченным какими-то несерьезными делами, делилась печалью, осуждала или хвалила подружек, Марина слушала, поддакивала, возражала... и думала о том, что ей очень не хочется ехать домой. Потому что там ей было неуютно. Да и не ждал никто с распростертыми объятиями.

Однако муж, к ее удивлению, оказался дома.

Бриться он не любил, поэтому постоянно отращивал усы и бороду, но даже в этом состоянии не ухаживал за порослью на лице и зарастал по самые глаза, до тех пор, пока Марина не устраивала скандал и не заставляла его подравнивать бороду и приводить себя в порядок. На пару дней. Потом все начиналось сначала.

Муж находился дома, хотя должен был давно отправиться на работу. А еще он был пьян!

На кухне стояли две чашки, стаканчики, початая бутылка «Гжелки», в тарелках лежали остатки салата, колбаса и валялись окурки.

– Явилась? – выговорил он, обдав жену запахом перегара. – Снова скажешь, что ездила к папаше?

Марина поморщилась, отмечая полный кавардак в квартире (Вадим редко предлагал свою помощь в уборке, а уж посуду вообще никогда за собой не мыл), услышала слабый сладковатый запах духов, какими она не пользовалась, внимательно посмотрела на мужа:

– К тебе кто-то приходил?

Глаза Вадима вильнули, в них на мгновение мелькнул шалый огонек легкого безумства.

– Да, Сашка заходил, а что? Ты, значит, можешь со своими хахалями встречаться, а я нет?

Марина побледнела, подтолкнула дочь, не сводившую изумленных глаз с отца, к двери детской:

– Иди переодевайся. – Повернулась к мужу. – Ты понимаешь, что говоришь?!

– Понимаю! – заорал Вадим, брызгая слюной. – Сука, проститутка! Где была?! Признавайся!

Он замахнулся и ударил бы, но потерял равновесие и чуть не упал.

– Я все знаю! Валентина меня давно предупреждала, что у тебя есть любовник! Увижу – убью!

Валентина была младшей сестрой Вадима и с самого момента замужества невзлюбила Марину, пылая к ней странной ревностью.

– Где была?! Говори!

Марина брезгливо обошла стоящего в трусах и футболке мужа, закрылась в ванной. В голове вертелась лишь одна мысль: неужели этого человека я когда-то любила?

Он начал стучать в дверь, ругаться, пришлось выходить и урезонивать захмелевшего Вадима, но он не успокаивался, и Марина поспешила к дочери, выглядывающей из детской. Закрылась, пытаясь не слушать бред, доносившийся из-за двери.

– Что с папой? – испуганно проговорила Стеша. – Он заболел?

Тогда Марина не выдержала и заплакала. Как сказал бы склонный к поэзии отец: это был плач души, разбившейся о стену. Стеной же было все, что разъединяло ее с мужем, в том числе ничем не обоснованная ревность. Марина вдруг окончательно поняла, что они с Вадимом разные люди и что надо резко менять жизнь. Семья не сложилась, несмотря на прожитые вместе десять лет, и даже дочь не сблизила их настолько, чтобы можно было терпеть выходки мужа и дальше.

– Ты чего плачешь, мамочка? – прижалась к ней Стеша. – Папа обидел?

Марина улыбнулась сквозь слезы, погладила дочь по волосам.

– Все нормально, котенок. Как говорит твой дедушка: жизнь, конечно, не удалась, а в остальном все нормально. Папа выпил лишнего, вот и буянит. Протрезвеет и будет просить прощения.

Стеша серьезно покачала головой:

– Не будет.

– Почему ты так думаешь?

– Он стал другим, как чужой все равно. Раньше мы с ним гуляли в парке, а теперь давно не гуляем, в кино не ходим. Не хочет даже послушать, что у нас в школе.

Марина отодвинула дочь, разглядывая ее лицо:

– Ты у меня совсем почти взрослая, все понимаешь. Может быть, все еще образуется, изменится к лучшему?

– Не оставляй меня больше одну с папой, ладно? Он ругается, что я ему надоедаю... в туалете запер... я там плакала...

– Когда?!

– Вчера вечером. Запер и свет выключил.

Марина потемнела, встала:

– Побудь здесь, займись домашним заданием, я сейчас приду.

Муж отшатнулся от двери, увидев, с каким выражением лица вышла жена.

– Это правда?!

– Т-ты о чем?

– Это правда, что ты запирали Стешу в туалете?!

Он отступил.

– Она не слушалась... ну и что?! Она совсем от рук отбилась! Ты ее жалеешь, не наказываешь, из нее такая же стерва вырастет!

Марина едва сдержалась, чтобы не дать Вадиму пощечину.

– Выбирай выражения! Если еще раз сделаешь нечто подобное...

– То что? Ты милицию вызовешь? – Муж ухмыльнулся. – Или своего хахаля?

– Я уйду!

– Ах, даже так? – Вадим шутливо развел руками, поклонился, чуть не упал. – Скатертью дорога!

В сумочке Марины зазвонил сотовый телефон.

Марина взяла трубку:

– Слушаю.

– Добрый день, – раздался в трубке уверенный мужской голос. – Марина?

– Да. А вы... – Марина вдруг узнала этот голос, и у нее перехватило дыхание. – Максим?

– Он самый. Как поживаете?

– Извините... – Она еле справилась с волнением. – Перезвоните попозже, пожалуйста.

– У вас что-то случилось?

– Нет-нет, ничего... все нормально... просто я тороплюсь.

– Хорошо, позвоню вечером. Но если требуется помощь...

– Нет-нет, не надо, все хорошо.

– До вечера.

В трубке зазвенели птичьи трели отбоя.

– Кто звонил? – осведомился Вадим почти трезвым голосом.

Марина не ответила, вернулась в детскую, закрыла за собой дверь. Сердце колотилось, щеки пылали, грудь вздымалась. Что это со мной? – подумала она с испугом. Потом заметила вопрошающий взгляд дочери и отбросила посторонние мысли. Дочь вряд ли поняла бы ее объяснения. Тем более что Марина сама себе ничего не могла объяснить. Просто ей позвонил человек, которому она понравилась. Вот и все.

– Вот и все, – повторила она вслух.

Стеша молча обняла мать.

НАПРЯГ

Солнце сияло вовсю. На небе ни облачка. Снег искрился так, что было больно глазам. Мороз щипал щеки, уши и нос. Но Арсений не замечал ничего. Он упоенно работал палками и шел по лыжне, проложенной вдоль улицы, с максимально возможной скоростью. Под взглядами соседей, а главное – под взглядами девчонок, живущих неподалеку, которые учились с ним в одном классе. Впрочем, о них он думал мало, перед глазами стояла та, которая казалась единственной и училась в параллельном шестом «Б». И хотя она в данный момент его не видела, чувствовать себя спортсменом-лыжником, сильным и ловким, было весьма приятно.

Вот и околица той части Родомля, которая мало чем отличалась от деревни. Контора «Заготскот», рядом продуктовый магазинчик. Слева – молодой хвойный лесок, известный жителям поселка под названием сосонник, а за ним – противотанковый ров времен Великой Отечественной войны, широкий и глубокий. Прошло уже восемнадцать лет с тех пор, как родина отгуляла победу над фашистами, но ров все еще оставался таким же непреодолимым, каким его вырыли защитники Родомля, и продолжал напоминать о военных временах. Арсений с малолетства любил кататься на лыжах с его крутых склонов, один или с друзьями, а в тринадцать лет уже прыгал с естественных трамплинов и съезжал вниз так, что дух захватывало и сердце омывалось удивительной радостной силой и хотелось мчаться со склонов рва еще и еще раз, чтобы когда-нибудь вдруг оторваться от снежных торосов и взлететь...

Домой он обычно возвращался мокрым с головы до ног, усталым, но довольным, с праздником в душе.

Этот праздник сопровождал его и дальше, особенно под Новый год, когда в доме уже стояла наряженная елка, – он, конечно же, принимал участие в ее украшении, вместе с мамой и сестрой, – и оставалось лишь дожидаться боя курантов, веселых криков близких, покричать вместе с ними «ура!», а потом сорвать с елки самую вкусную конфету...

Господи, как давно это было! Зима детства – где ты? Почему память возвращается к тебе снова и снова, отзываясь в сердце сладкой болью навсегда утраченного?..

Арсений Васильевич грустно улыбнулся, вспомнив, как часто возвращался из школы, будучи уже постарше, в девятом и десятом классах, с небольшим школьным телескопом системы Максудова ¹, чтобы до глубокой ночи смотреть на звезды. Зимой делать это было намного удобней, ночь опускалась на поселок рано, небо превращалось в черную бездну, и звезды казались особенно яркими и четкими. Руки и ноги мерзли нещадно, холод пронизывал до костей, глаз едва не примерзал к окуляру телескопа, но Арсений смотрел и смотрел в небо, завороженный красотой звездного узора. Он видел Венеру и Марс – как планеты, а не как звезды, любовался кольцом Сатурна – тоненькой стрелочкой, пересекающей его диск, считал спутники Юпитера – иногда удавалось увидеть полдюжины, и часами следил за проплывающей в небе Луной, испещренной узором кратеров и синими тенями низменностей и морей...

В дверь постучали.

Арсений Васильевич очнулся от воспоминаний, погладил ноющее плечо: утром он оступился на лестнице, сильно ударился плечом о перила и едва не сломал руку. Мало того, машина не завелась – мороз был лютый, градусов за тридцать, и ему пришлось идти на работу пешком. По пути он поскользнулся, шагнул с тротуара на проезжую часть улицы, и его едва не сбила машина. Не к добру это, покачал он головой, ох не к добру!

– Войдите.

Вошел Толя Юревич с развернутым листом ватмана:

– Я готов, Василич. Вот опытный образец. Давай посмотрим?

¹ Рефлектор-рефрактор.

– Давай, – со вздохом согласился Гольцов.

Толя был человеком старой закалки и все свои разработки сначала вычерчивал на ватмане, а уж потом переносил чертеж в память компьютера.

– Чего морщишься? Я могу и позже зайти.

– Нет, плечо выбил, болит.

– Здесь?

– Дома, когда выходил. Потом машина не завелась, на улице чуть не убилися...

– Черная полоса началась, – кивнул Анатолий. – Поосторожней ходи. Кстати, я сегодня видел любопытную картину: сидят двое в вазовской «семидесятке», включили музыку во всю ивановскую, и для того, чтобы слышать друг друга, они орала громче, чем музыка.

Арсений Васильевич улыбнулся:

– Идиотов можно встретить где угодно. Ладно, поехали.

Они склонились над чертежом, но обсудить идею не успели. Щелкнул интерком и голосом директора предложил заведующему лабораторией подняться на второй этаж института, где располагалась приемная.

– Жди, – сказал Арсений Васильевич, чувствуя, как заныло сердце. – Директор недоволен темпами нашей работы, сейчас получу нагоняй.

– Не принимай близко к сердцу, – посоветовал Анатолий. – Мы не сачкуем, а система должна работать как часы. Спешить и ошибаться в таких делах нельзя, авиация этого не прощает.

– Сам знаю, – буркнул Арсений Васильевич, направляясь к двери.

Директор института Евгений Львович Назаров встретил его хмурым взглядом, кивнул на стул:

– Садись.

Был директор тучен, лыс, косоглаз, круглолиц (Арсений Васильевич при встречах с ним всегда вспоминал рассказ Джека Лондона «Луннолицый»), на собеседника обычно не смотрел, но в сущности характер имел добрый и покладистый. Однако сегодня он, судя по всему, был настроен на «разгон демонстрации и крутые разборки».

– Когда сдашь тему? Почему не докладываешь, чем занимается лаборатория? Заказчик требует ввести систему до конца года, а ты все еще возишься с документацией! В чем дело?

Арсений Васильевич вспомнил слова Юревича о «черной полосе», невольно усмехнулся. Анатолий был прав, у его начальника действительно началась полоса невезения. Чего не было уже давно.

– Что ухмыляешься? – побагровел Евгений Львович. – Гением себя считаешь? Держателем акций? А мы тут для тебя чиновники, мелкая сошка? Ничего не соображаем? Я, между прочим, физтех заканчивал!

– Я знаю, – пробормотал Арсений Васильевич, озадаченный вспышкой раздражения директора. – Никем я себя не считаю...

– Тогда почему народ на тебя жалуется?!

– Какой народ? – не понял Гольцов.

– Обыкновенный! В приемную звонят, мне звонят, грубишь подчиненным, заставляешь допоздна задерживаться, ни с чьим мнением не считаешься!

– Да кто это тебе... вам сказал?! – изумился Арсений Васильевич. – Никого я не заставляю задерживаться, а если кто остается до вечера, это его личная инициатива. Да и чужое мнение я всегда учитываю, никто не жаловался...

– Все, иди работай, – внезапно остыл Евгений Львович. – Тему сдавай, чтоб к понедельнику был готов принять комиссию. Получу еще один сигнал о самодурстве – поставлю вопрос об увольнении.

– Бред какой-то! – пожал плечами растерянный Арсений Васильевич. – Такого еще не было... до свидания...

– Будь здоров.

Арсений Васильевич поплелся к себе в лабораторию, ломая голову над словами директора «сигнал о самодурстве» и «народ на тебя жалуется». Свой «народ» он знал хорошо, сотрудники его уважали и никогда не жаловались. Во всяком случае, психологическая атмосфера в коллективе была спокойная, деловая. Однако не мог же Назаров все это выдумать? Значит, кто-то же все-таки нажаловался на завлаба, недовольный его руководством? Кто? Кому это понадобилось и для чего? Чтобы занять его место?

– Бред! – вслух повторил он, не замечая недоуменно оглянувшихся на него работников института.

В своем кабинете Арсений Васильевич выпил полграфина минералки и битый час размышлял над причинами полученного выговора. Потом увлекся работой и забыл обо всем. До вечера. В шесть лично проверил, кто остался на рабочем месте, твердо выпроводил энтузиастов: Сережу Сергиенко, Толю Юревича и Женю Шилова. Походил по опустевшей лаборатории, разглядывая рабочие столы, компьютеры, экраны, аппаратные стойки. Выключил забытый кем-то осциллограф. Показалось, кто-то посмотрел на него из стены угрюмо и недовольно.

– Бред! – вздохнул Арсений Васильевич, решительно направляясь к выходу из лаборатории.

Однако его бедствия этим днем еще не закончились.

Во-первых, на улице к нему пристал какой-то мужик бомжеватого вида, попросил пять рублей, а когда Гольцов дал ему монету, потребовал еще пять и не отставал, грозя всяческими карами, пока Арсений не дал ему еще десять рублей.

Во-вторых, недалеко от дома его столкнула с тротуара в снег какая-то веселящаяся шпана, связываться с которой не имело никакого смысла. Упал Арсений Васильевич неудачно, на ушибленную руку, и чуть не взвыл от боли в плече, отдавшейся в шее и в голове. Уж не перелом ли какой? – подумал он с испугом, баюкая руку. Надо к врачу сходить...

К врачу, конечно, не пошел. Боль отступила, сердце успокоилось. Мысли вернулись к теме разговора с директором. Дома Арсений Васильевич переоделся не спеша, потушил овощи, поужинал, сел перед телевизором, желая расслабиться и отдохнуть, но в это время тренькнул входной звонок.

Он открыл дверь, впустил сына вместе с клубом морозного пара. Сын снял шапку, куртку, повернулся, и Арсений Васильевич увидел у него под глазом свежий синяк.

– А это что у тебя за украшение? Откуда бланш?

– Упал с кровати, – криво улыбнулся Кирилл, растирая нос и щеки. – Ух и мороз! Налей чего-нибудь горяченького, папа, внутри все заледенело. Пешком топал от автобусной станции.

– Почему не подъехал на маршрутке?

– Денег нет.

Арсений Васильевич с немym изумлением уставился на сына:

– Я же тебе три дня назад деньги дал, на неделю вперед.

Кирилл отвел глаза:

– Я потерял...

Арсений Васильевич с трудом сдержался от ругательства, вздохнул, сгорбился, теряя интерес к разговору, побрел на кухню, волоча ноги. Сын врал, это было очевидно, но уличать его во лжи не хотелось. Вообще ничего не хотелось, даже жить.

Зашипел чайник, нагреваясь.

В кухне появился Кирилл, робко приблизился к отцу:

– Прости, пап... я проиграл деньги... в казино... хотел выиграть...

Арсений Васильевич молчал.

– Понимаешь, не хочется все время зависеть от тебя... вот я и решил...

Арсений Васильевич продолжал молчать, глядя в стол.

– Я больше не буду, честное слово!

Арсений Васильевич молчал.

– Я уже ищу работу, завтра собеседование... Ну, что ты молчишь?

– Хорошо, – тусклым голосом ответил Арсений Васильевич. Выключил чайник. – Заварка на столе, вот сахар, пряники, сухари, пей.

Вышел из кухни. Голова была пустая, как воздушный шар, появлявшиеся в ней мысли быстро превращались в дымные струйки, растворялись в пустоте и исчезали, не оставляя следа.

– Пап, я больше не буду тебя расстраивать, – пробубнил Кирилл, не решаясь подойти ближе. – Вот увидишь!

Человек – то, что он делает, а не то, что он думает и о чем мечтает, – вспомнил чье-то высказывание Арсений Васильевич. Очнулся, посмотрел на сына, у которого дрожали губы, и ему стало до острой тоски в сердце жаль Кирилла. В том, что сын такой безвольный и неустroившийся в жизни, была большая доля вины и Гольцова-старшего.

Арсений Васильевич шагнул к сыну, поймал его испуганно-вопрошающий взгляд, обнял. Кирилл замер на мгновение и вдруг прижался к отцу изо всех сил, как это бывало в далеком детстве, забормотал что-то.

– Помолчи, – оборвал его Арсений Васильевич. – Не надо много говорить. Я тоже перед тобой виноват, не смог воспитать самого необходимого – ставить цель и добиваться ее. Ты все еще живешь по детским меркам, пора становиться взрослым.

– Я понимаю...

– Молчи! Я тоже вырослел медленно. Мое детство по сути закончилось только с рождением дочери, твоей сестры. Да и то я не уверен. Но я поставил цель и стал самостоятельным уже в восемнадцать лет. Теперь твоя очередь.

– Я все сделаю...

– Хочу верить. Все, не будем больше об этом. Пошли пропустим по рюмочке коньяку и посидим.

– Я не буду!

– Хорошо, будешь пить чай, – улыбнулся Арсений Васильевич.

Они сели за кухонный стол. Кирилл оживился, начал рассказывать, чем занимается. Арсений Васильевич поделился своими заботами, и этот разговор был настолько легкий и приятен, что оба едва ли не впервые в жизни почувствовали себя действительно *близким* и людьми.

Телевизор смотрели вместе. Также впервые за последние несколько лет. Потом Кирилл лег спать, а Арсений Васильевич еще час задумчиво слонялся по квартире, вспоминая свои прежние беседы с детьми и анализируя свое поведение. Вспомнились походы с дедом в баню, зимой, которые маленькому Арсению не сильно-то и нравились. Однако дед сумел-таки привить внуку любовь к чистоте, точнее, к *ощущению* оглушающе-радостной расслабленной чистоты тела, и зимние выходы в баню помнились до сих пор, хотя прошло уже больше сорока лет.

Вспомнились и «вечерне-ночные дежурства» у тети Ксении, родной сестры бабушки. Тетя Ксения боялась оставаться вечерами одна, когда ее муж дядя Вася уезжал на сутки на работу, и Арсений по три-четыре раза в зимние месяцы ночевал у тетки, проводя время в приятной обстановке и с пользой для организма. Во-первых, ему никто не мешал читать любимые книги. Во-вторых, тетя Ксения всегда угощала «охранника» чем-нибудь вкусеньким. Особенно Арсению нравились ее медовые пышки с холодным молоком и пряники с патокой или вареньем. Бывало, ему доставались и самые настоящие шоколадные конфеты, хотя он с удовольствием смаковал и обычный свекольный сахар, который надо было откусывать щипчиками от целой сахарной горы...

Арсений Васильевич улыбнулся. В нынешние времена проблемы сладостей не существовало, были бы только деньги, а конфеты можно купить любые, на любой вкус и цвет. Хотя особой радости, такой, как в детстве Арсения, они уже современным детям не доставляли. Разве что – деревенским детям, не избалованным «прелестями» цивилизации, да и то вряд ли.

Я весь внутри русская деревня, любил говорить отец Арсения Васильевича. Он тоже мог повторить эти слова, не кривя душой, и гордился тем, что родился в русской деревне и сохранил ее чистое природное отношение к жизни. Может быть, поэтому память все чаще возвращала его в детство, в те времена, когда мир казался большим, добрым, прекрасным и таинственным...

Кто-то посмотрел на Арсения Васильевича – со всех сторон одновременно. Он вздрогнул, очнулся. Включилась система «внепространственной» ориентации.

Ему предлагали *работу*.

«Не хочу!» – заявил он мрачно, ожидая обычной реакции Диспетчера, всегда находившего аргументы в пользу необходимости *работы*. Однако вместо этого впервые за Арсения Васильевича взялась какая-то незнакомая с и л а, без лишних слов и объяснений начавшая перестраивать психические структуры Гольцова, как это делает программист, меняющий системные структуры компьютера.

Арсений Васильевич ощутил эту *силу* как входящий в голову узкий «лазерный» луч-скальпель, который рассек мозг на части и начал обрабатывать сначала внутреннюю поверхность черепной коробки – эндокран, выжигая шлаки и неровности, превращая ее в гладкую скользкую сферу. Затем луч превратился в «лазерную фрезу» и обработал правое полушарие, отсекая какие-то «лишние» мозговые структуры, меняя их местами, соединяя добавочными связями, и взялся за левое. У Арсения Васильевича появилось ощущение, что меняется его генетический «файл», превращавший его в личность. Дико зачесалась голова, вернее, мозг под черепной коробкой. Начали путаться мысли. «Лазерный скальпель» явно пытался воздействовать на те системы мозга, которые влияли на выбор цели и делали человека независимым.

Процесс между тем начал нравиться и даже приносить удовольствие сродни тому, какое доставляет человеку массаж головы.

«Нет!» – крикнул Арсений Васильевич внутрь себя. Напрягся, сооружая на пути «лазерного луча» зеркальный щит. Произошло нечто вроде рикошета. «Луч» отразился от щита, больно процарапал изнутри глазные яблоки, мигнул и погас. Ощущение вторгшегося в мозг «хирургического инструмента» пропало. Но Арсений Васильевич не остановился на достигнутом, усилием воли вошел в знакомое «состояние энергопотока» и помчался дальше, «вверх», в те пространства, где он был корректором и вершителем судеб иных разумных существ.

На этот раз выход в *запределье* дался ему куда легче, чем раньше, а главное – сознательно. Он *видел*, куда идет, что делает и каковы реалии этого мира. Возникший было в голове голос Диспетчера Арсений Васильевич буквально вышвырнул из сознания, послал за пределы своей сферы чувствования и физической оболочки.

Мир Карипазима возник перед глазами глыбой мрака, пронизанной ручьями лавы и украшенной разгорающимся и гаснущими вспышками пламени. Арсений Васильевич развернул его в плоскость, в физически ощущаемый объект с текучими ландшафтами и мерцающими формами движения материи. Поднялся повыше, медленно поплыл над ним невидимым призраком, рассматривая возникающие внизу удивительные пейзажи, насыщенные чужой жизнью.

Внезапно его заинтересовало появившееся на горизонте белое пятно, которое он сначала принял за накрывшую часть суши пелену облаков. Арсений Васильевич свернул к этой пелене, с недоумением отмечая ее неизменность и мертвое спокойствие. Понимание пришло, когда он завис над этим районом и снизился на десяток километров.

Перед ним действительно лежала пустынная местность белого цвета, испещренная тонким узором черных трещин, более темных понижений и разнокалиберных кратеров. Это было

место давней битвы тех сил, которые он пытался сдерживать, помогая то одним, то другим, добиваясь непонятного ему самому «равновесия». Битва произошла очень давно, судя по «запаху» уныния и застарелой тоски, накрывшему пустыню. К тому же он не помнил, когда принимал экстренные меры в отношении данного района Карипазима, но в этом районе до сих пор ничего не росло, не двигалось и не возрождалось. На гигантской территории, эквивалентной такому земному материка, как Африка, прочно поселилась *смерть*!

В сознание прорвался тоненький плач – так сфера чувствования Арсения Васильевича отреагировала на возникшую в поле зрения огненную струйку, тут же бессильно погасшую. Возможно, это очнулся некий обитатель пустыни, а может, умер ее последний защитник и хранитель.

Сознание начало путаться, меркнуть. Арсений Васильевич слишком много потратил энергии на пробивание канала прямого видения чужой реальности. Да и Диспетчер не успокаивался, пытаясь прорваться в голову оператора и запретить ему самостоятельно манипулировать *силой*.

Домой! – приказал сам себе Арсений Васильевич, цепляясь за луч энергии, выносящий его из *запределья* в мир Земли.

С час он отдыхал, приходил в себя, пил горячий чай и ни о чем особом не думал. Потом решил покопаться в себе на сон грядущий и выявить запасы знаний, осевшие в глубокой психике. Такие попытки пока к прорывам понимания не приводили, но все же кое-какие свои возможности он начинал осознавать и готов был учиться их применять.

Убедившись, что сын спокойно спит в бывшей детской, Арсений Васильевич устроился было в кресле перед телевизором, не включая последний, и в это время зазвонил телефон. Глянув на часы – третий час ночи, кому это он понадобился в такое время? – Гольцов снял трубку:

– Алло?

– Привет, Меченый, – раздался в трубке густой шелестящий бас. – Не пора ли одуматься?

– Кто звонит? – прошептал Арсений Васильевич.

– Доброжелатель, – хмыкнули на том конце провода. – Мы встречались сорок лет назад, и тогда ты обещал слушаться.

Арсений Васильевич вспомнил встречу в общежитии радиоинститута, когда к нему пришли «волхвы», посланцы «светлой силы», чтобы предложить ему поработать «на благо Вселенной». Хорошие люди, как утверждал дед. Может быть, не такие уж и добрые? Может быть, дед Терентий ошибался? Или сам Арсений неправильно его понял?

– Что вам нужно?

– Даем тебе срок три месяца. За это время ты должен исправить то, что натворил на Карипазиме, вернуть утраченное равновесие. Не справишься – пеняй на себя! А главное, забудь о п р я м о м выходе! Иначе мы примем соответствующие меры.

– Какие?

– Увидишь. Итак, твой выбор?

Арсений Васильевич помолчал, лихорадочно формулируя мысль.

– На Карипазиме идет война... я не знаю, в чем состоит смысл жизни, но уж точно не в войне! Неужели нельзя убедить карипазимцев не воевать?

– Нельзя. Они живут по-другому, их логика – логика войны, а не мира.

– Ерунда, всегда есть возможность договориться, пойти на компромисс...

– Мы предупредили, ты слышал. Если не хочешь думать о себе, подумай о детях, они ни в чем не виноваты. Три месяца. Ты понял?

– Подождите...

– Прощай, Меченый.

В трубке загудело.

Арсений Васильевич уставился на нее, как кролик на удава, отшвырнул и выругался.

СКАНДАЛ

Гостиница, принадлежащая МЧС России, где расположилась группа Разина, была достаточно уютной и удобной, хотя на три звезды, как утверждалось в рекламе, не тянула. Одноместных номеров, а тем более класса «полулюкс» и «люкс», в ней было мало. Точнее, всего три. Одноместный достался только самому Максиму, остальные устроились по двое: Штирлиц с Кузьмичом и Шаман с Писателем. Кузьмич ночами похрапывал, поэтому Штирлиц-Райхман вечно жаловался на него и требовал переселить храпуна в «отдельную камеру». Писатель смущенно признался, что он тоже храпит, но от Шамана жалоб не поступало. Иван-Доржо вообще никогда ни на что не жаловался, а на вопрос Штирлица: как же ты спишь, если Писатель бурчит, как трактор? – ответил по-философски спокойно:

– Я его не слышу.

Однажды Максим зашел к ним ранним утром и застал Шамана за интересным занятием.

Итигилов стоял в одних трусах: спина прямая, ноги расставлены на ширине плеч, руки на бедрах, глаза закрыты. В тот момент, когда Максим сделал шаг через порог, Шаман оторвал ладони от бедер, с выдохом вытянул их перед собой. И Максим вдруг потерял равновесие, отшатнулся назад, чуть не упал! Хотя никто его не толкал, ни в грудь, ни в спину.

– Извини, Максим Аверьянович, – сказал Шаман, расслабляясь; тело у него было сухое, жилистое, без единой дряблой складки, несмотря на шестидесятилетний возраст, а небольшой животик фигуры не портил. – Я не хотел.

– Как ты это делаешь?

– Секрет, однако.

– Психоэнергетическое воздействие?

– Что-то вроде этого.

– Может быть, научишь?

– Вообще-то не имею права, это умение у нас передается только внутри рода, от отца к сыну и внуку.

– Обещаю никому не говорить и применять только во благо.

– Я подумаю.

– И все-таки каким образом достигается результат? Я читал кое-какие книжки, знаю, что существуют специальные психотехники.

Итигилов начал быстро одеваться.

– Многие настоящие шаманы с успехом пользуются этими психотехниками.

– А ты не настоящий?

– Практикующие проходят инициацию, я не проходил.

– Расскажи.

– Я же сказал, не имею права.

– Ну хотя бы в общих чертах.

– Все психотренинги дистанционного воздействия на людей делятся на три этапа. Первый – выработка концентрации энергии в руках и ногах. Или в любых других частях тела, по мере надобности. Второй – управление энергией с выходом ее из тела. Третий этап – тренировка направленного выброса из тела. Каждый этап требует дисциплины мысли и особого отношения к окружающим.

– Какого особого?

– Астральный удар, как его называют дилетанты, это оружие, пользоваться им надо осторожно.

– Ясно. Я мог бы начать тренировки хоть сейчас. Кстати, сколько потребуется времени на освоение каждого этапа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.